

21-й ВЕК

ЖУРНАЛ ФОНДА «НОРАВАНК»

3 (15)

ЕРЕВАН

2010

21-й ВЕК

информационно-аналитический журнал

3 (15), 2010

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Гагик Арутюнян (координатор)
Ара Марджанян
Бенедек Жигмонд
Карен В. Карапетян
Мушег Лалаян
Севак Саруханян
Сергей Гриняев
Тигран Саркисян

РЕДАКЦИЯ

Гагик Арутюнян
(главный редактор)
Севак Саруханян
(заместитель гл. редактора)
Анна Жамакочян
Лусине Баграмян
(ответственный секретарь)
Рубен Мелконян
Тигран Арутюнян
Хонарик Карауглалян
(ответственный редактор)
Эдуард Даниелян

EDITORIAL BOARD

Gagik Harutyunyan (Coordinator)
Ara Mardjanyan
Benedek Zsigmond
Karen V. Karapetyan
Mushegh Lalayan
Sergey Grinyayev
Sevak Sarukhanyan
Tigran Sargsyan

EDITORSHIP

Gagik Harutyunyan (Editor-in-Chief)
Sevak Sarukhanyan (Deputy Editor-in-Chief)
Anna Zhamakochyan
Eduard Danielyan
Lilit Meliksetyan (Managing Editor)
Lusine Baghranyan (Executive Secretary)
Ruben Melkonyan
Tigran Harutyunyan

СОДЕРЖАНИЕ

Гагик Арутюнян

Стратегия развития и геополитические сценарии ... 3

Севак Саруханян

Перспективы атомной энергетики в Армении 14

Ваге Давтян

Энергетическая безопасность
как политическая категория 24

Левон Ширинян

Арменоцид: исторический прецедент
столкновения цивилизаций 36

Геворг Ахвердян

К вопросу о перспективе
национальной идентичности 42

Тамара Варданян

Грузия: идентичность в политических
программах и действиях 48

Игорь Багриян

Три измерения процесса глобализации 71

Мариам Маргарян, Роман Меликян

Управление политическими GR-технологиями
в Армении как фактор становления
демократической консолидации 91

Памятка автору 112

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ СЦЕНАРИИ

*Гагик Арутюнян**

Актуализация проблемы армяно-турецких отношений и приближение столетия Геноцида армян послужили поводом для нового переосмысления современных проблем Армянства, обращения к нашей политической истории и возможным перспективам. Подобные тенденции чрезвычайно актуальны, поскольку и у нас, и в окружающем нас мире происходят перемены, диктующие разработку национальной стратегии, адекватной новым реалиям. Конечно, хотелось бы, чтобы обсуждения национальных проблем носили перманентный характер: еще в 19в. английский мыслитель Джон Стюарт Милль высказался в том духе, что отсутствие серьезных дискуссий вокруг фундаментальных принципов разлагает, искажает эти же принципы или идеи, и с ним трудно не согласиться. Очевидно, что без новых подходов решение общеармянских задач (а их много) как минимум проблематично. Попытаемся вкратце обратиться к некоторым из них.

Дiaspora: традиции и новые императивы

Даже беглого знакомства с царящей в Диаспоре ситуацией достаточно, чтобы увидеть, что, наряду с отдельными успехами, в этой сфере у нас есть серьезные проблемы и потери. Общее впечатление таково, что сегодня одной только стратегии, направленной на выживание «армянских общин», недостаточно для эффективного реагирования на всевозможные вызовы, брошенные этим общинам. Вследствие влияния разнородных внешних и внутренних факторов принятый в прошлом жизненный уклад сегодня разлагается, и смягчить или, тем более, запретить эти влияния практически невозможно. Не секрет, что эта ситуация отчасти характерна также для Армении (РА, НКР и Джавахк). Можно констатировать, что пришло время, чтобы национальная элита попыталась переосмыслить

*Исполнительный директор научно-образовательного фонда «Нораванк».

ставшие традиционными как существующие форматы, так и содержание семейной, общинной, партийной, религиозной самоорганизации и разработать новые концепции. Однако если в отмеченных направлениях действительно будут внедряться общественно-политические инновации, то следует избегать применения большевистского лозунга «разрушим старое, построим новое» (тем более, когда представления о «новом» туманны и еще не сформировались необходимые предусловия для перехода к новому). Подобные квазиреволюционные подходы провоцируют так называемые «разрывы» в национальной духовной и интеллектуальной сфере, которые тормозят развитие общества.

В частности, сегодня можно услышать мнения о том, что вопрос Геноцида уже «исчерпал» себя, и пришло время сплотить Армянство не вокруг «трагических событий прошлого», а в контексте «актуальных и позитивных» идей. Подобная постановка вопроса, безусловно, является дилетантской: нужно четко различать вопрос национальной памяти, политические процессы международного признания и формирование и осуществление новых панармянских проектов.

С духовной точки зрения факт Геноцида и лишения родины (может, не лишне пустить в международный оборот термин «депатриация»¹ и, наряду с «геноцидом», дать этому понятию политико-юридические оценки) составляет часть национального сознания и, согласно этой формулировке, не может быть предметом обсуждений (если, конечно, не будет тотального применения манипулятивных технологий). Заметим также, что и с психологической точки зрения память об этой трагедии содержит мотивацию для применения компенсаторных действий, одним из выражений которых является политический процесс международного признания Геноцида.

Вопрос признания Геноцида

Процесс признания Геноцида имеет для Армянства не только нравственное, но и политическое значение. Сформировавшиеся в международном сообществе подходы к этому вопросу отражаются на «рейтинге» Турции и, частично, ее союзника Азербайджана, определяя их в качестве «геноцидогенных» стран. Таким образом, процесс международного признания Геноцида с точки зрения возможных турецко-азербайджанских поползновений является своеобразной смирительной рубашкой и повышает уровень национальной безопасности Армении. Этот фактор служит также дополнительным обоснованием нашей позиции в

¹ Некоторые исследователи предлагают термин «патрицид».

переговорах по проблеме НКР, а международное муссирование вопроса по ходу последних армяно-турецких дипломатических баталий определенным образом способствовало политике РА. Заметим также, что сопутствующие признанию Геноцида вопросы сохранения культурного наследия и судебные процессы по отдельным имущественно-материальным ценностям, как известно, довольно эффективны и достойны особого внимания.

В то же время, до сих пор политический фактор Геноцида больше используется другими. Например, столь долгожданное слово «геноцид» из уст президента США было произнесено, как следует из статьи А.Нахапетяна [1], еще 22 апреля 1981г. В тексте президентского выступления под номером 4838 по случаю Дня поминовения Холокоста Рональд Рейган отметил: «Уроки Холокоста не должны быть забыты, как не должны быть забыты предшествующие Холокосту геноцид армян и следующий за ним геноцид в Камбодже...». Такое заявление укладывалось в логику Холодной войны и было направлено против СССР, поскольку содействие начавшимся в советские годы в Армении (а также в других республиках) национальным движениям исходило из интересов Соединенных Штатов¹. Сегодня ситуация иная, и в ближайшем будущем президент США вряд ли произнесет слово «геноцид», поскольку это пока противоречит нынешней политике этой державы.

Однако также очевидно, что даже если весь мир признает факт Геноцида, то это отнюдь не означает, что Западная Армения будет возвращена Армянству и даже в таком случае решатся все наши проблемы. В этом вопросе, пожалуй, нужно отказаться от переоценки еврейского прецедента. Признание Холокоста Германией и выполнение репараций было обусловлено поражением этой страны: в Берлине стояли войска союзников, а в Нюрнберге шел известный процесс. Заметим также, что евреи сами «подготовили» создание своего государства продолжавшейся десятилетиями целенаправленной интеллектуально-идеологической и организационно-экономической работой. В нашем случае даже признание Турцией факта Геноцида (это более чем гипотетический вариант и никак не ассоциируется с нынешними властями этой страны), по всей вероятности, примет приблизительно такую форму, свидетелями которой мы стали, когда парламент Сербии выразил сожаление по поводу действий против населения Боснии. Анкара согласится на компенсации только в том случае, если ока-

¹ Как известно, победа в Карабахском конфликте была обусловлена наличием перманентного национального движения во Второй Республике и, в этом контексте, справедливости ради нужно отметить, что в национальных вопросах получаемая «извне» поддержка, сколь бы мала она ни была, совпадала с нашими национальными интересами.

жется в статусе распавшейся страны.

Таким образом, можно констатировать, что процесс международного признания Геноцида, наряду со своим в целом положительным значением, имеет определенные ограничения эффективности и не может служить конечной целью Армении и Армянства. Иными словами, если даже факт Геноцида будет признан повсеместно, то представления о том, какой после этого должна быть политическая стратегия Армянства, весьма туманны. Отсутствие четкого ответа на этот вопрос свидетельствует о том, что в нашем обществе пока нет необходимой критической концентрации интеллектуальных ресурсов для стратегического планирования будущего. Между тем наличие подобных обобщенных ресурсов непосредственно коррелируются с понятием Национальная безопасность (НБ).

Современные интерпретации Национальной безопасности

Сегодня понятие НБ подвергается трансформациям и, в дополнение к прежним представлениям о необходимых ресурсах для обеспечения безопасности, одним из главных критериев НБ стала способность общества формировать оптимальную идеологическую среду и развитие в целом [2, с. 3; 3, с. 38]. В контексте последнего, в частности, признается, что считавшаяся ранее эффективной система «вызов – адекватный ответ» в современных условиях уже недостаточна, и применение только этого принципа может даже завести в тупик¹. В частности, новые подходы, согласно фундаментальному труду А.Владимирова, предполагают, что «согласование парадигм развития и безопасности возможно через диалектику принципа “безопасность через развитие и развитие через безопасность”». Рассматривая вопросы безопасности по такой методологии, можно прийти к не столь сложному выводу: основным «ответственным» за процесс развития (т.е. безопасности) или, иными словами, *критической инфраструктурой* являются человек и человеческое общество, уровнем развития (в нашей интерпретации – способностей организации, приобретения знаний и их применения) которых обусловлена безопасность нации и государства. Отсюда следует также, что развитие является одним из выражений стратегии, которая предполагает

¹ В связи с этим отметим, что классический принцип НБ «вызов – адекватный ответ» имеет несколько пассивную формулировку и, кажется, не предполагает формирования превентивных «вызовов» в отношении конкурентов. Как известно, этот принцип НБ был существенно «отредактирован» сравнительно недавно, при администрации Буша, когда на концептуальном уровне была разработана и осуществлена «гиперпревентивная» доктрина, проявлением которой стали военные кампании в Афганистане и Ираке.

продвижение и «маленькими шагами», и «прорывом» (после накопления критического количества достижений «маленькими шагами»), что, согласно классической китайской формулировке, обеспечивает «захват будущего и его использование в собственных целях». Представляется также, что воспринимаемая в этом аспекте стратегия развития должна перерасти в доминирующую национальную идею.

Рассматривая в таком контексте задачи будущего Армянства и Армении, следует констатировать, что с точки зрения развития у нас есть серьезные проблемы. Известно, что интеллектуальный потенциал Армении за последние 20 лет качественно снизился, а проекты развития этой сферы пока не внушают большого оптимизма и к тому же носят теоретический характер. Между тем институционально важные структуры государства должны представлять собой военные и научные системы, и если первая в Армении состоялась, то в связи со второй у нас есть множество проблем. Примечательно, что приоритетной задачей так называемой стратегической разведки является оценка научно-технических ресурсов условного противника, под которыми в первую очередь понимаются люди – носители знаний и технологий [4, с. 27]. Считается, что остальные области (армия, промышленность, финансовая система и т.д.) являются производными от научно-технического потенциала.

Еще хуже обстоят дела в Диаспоре, где пока не сформировалось осознание необходимости национальной науки, соответствующие мышление и культура¹. Как известно, в зарубежье действуют тысячи армянских общественно-политических организаций, которые, однако, редко обращаются к научно-образовательной сфере (заметим, что другие нации, имеющие диаспору, создали множество фондов, спонсирующих научно-образовательную деятельность). В этом контексте констатируем также, что пока что отсутствует осознанная связь «национальный капитал – национальная наука», которая при отсутствии необходимых государственных ресурсов могла бы частично смягчить ситуацию (в этом плане в Армении к исключениям можно отнести компанию *ARG*, а в Диаспоре, пожалуй, фонд Галуста Гюлбенкяна). Подчеркнем, что здесь мы не рассматриваем вопрос общинных и воскресных школ, у которых более армяносохраняющая направленность. Впрочем, и в этом плане мы сегодня оказались в кризисной ситуации.

¹Характерный пример этого явления: созданная в РА при содействии американского предпринимателя Дж.Гафесчяна лаборатория «*H2 ECOпоту*», занимающаяся топливными батареями и вопросами водородной энергетики и единственная в своем роде в регионе, эффективно поработав около 8 лет, недавно закрылась из-за «низкой прибыльности».

Отметим, что это стратегическое упущение обусловлено не относительной скудостью материальных средств¹, а тем, что повседневное бытовое мировосприятие армянской элиты пока не доросло до национальных мировоззренческих подходов. Зачастую в качестве сверхзадачи воспринимается исключительно процесс признания Геноцида, на лоббинг которого, например, в США, расходуются достаточно большие средства, чрезвычайное значение придается строительству церквей и памятников. Конечно, неоспоримо, что все это крайне важно, однако наряду с этим упускается самое главное – формирование и развитие человеческого капитала, т.е. ставится под угрозу наша национальная безопасность.

Вместе с тем, здесь, возможно, обоснован вопрос о том, каким конкретно целям должны служить стратегия и развитие национальной безопасности.

Возможные геополитические сдвиги

В новейшей истории ключевые для Армении и Армянства события были связаны с геополитическими сдвигами. Первая мировая война и революция привели к Геноциду и потере Западной и, частично, Восточной Армении, созданию Первой и Второй республик. После Второй мировой войны велика была вероятность столкновения СССР-Турция, исход которого не вызывал сомнений и которое в определенной степени могло решить Армянский вопрос, однако разногласия между бывшими союзниками – США, Великобританией и СССР – по поводу «перекройки мира» помешали осуществлению этого сценария. После Первой холодной войны и распада биполярной системы были созданы РА и НКР.

Между тем в настоящее время формируется ситуация, при которой называют новые глобальные сдвиги, обусловленные достаточно болезненным формированием многополярной системы. Как известно, подобные системные сдвиги всегда чреваты труднопредсказуемыми последствиями, и не случайно некоторые политологи сравнивают нынешние развития с кануном Второй мировой войны. Согласно некоторым оценкам, опирающимся на обозначающиеся уже сегодня тенденции, за подчиняющимися логике формирования многополярной системы процессами «разделения» последует формирование ассоциаций, созданных на основе новых, цивилизационных признаков.

¹ Известно, что определенная ограниченность материальных средств также обусловлена слабой развитостью научно-образовательной сферы Армянства: в частности, армянский капитал (и в Диаспоре, и в Армении) более чем скромнен в сфере высоких технологий, считающихся сегодня наиболее прибыльными.

В этих условиях для Армении с точки зрения разработки перспективной политики одним из важнейших факторов становится, в частности, относительная минимизация влияния Соединенных Штатов в регионе. Одним из ее проявлений, например, являются те трудности с Турцией, которые возникли у этой державы в ходе осуществления посреднической миссии в армяно-турецких разностях. В этом контексте примечательно также, что сегодня представители элиты США начали чаще апеллировать к необходимости проведения со стороны США политики «изоляции» (разумеется, относительной). Между тем американское отступление, согласно целому ряду аналитических разработок, может привести к формированию взрывоопасной ситуации на Ближнем и Среднем Востоке, Южной Азии (так называемых Евразийских Балканах). Заметим, что этот регион и сегодня, учитывая известные вопросы относительно Ирана и особенно процессы в Ираке, Афганистане и Пакистане, находится в довольно нестабильном состоянии, сынициированном в основном все теми же американцами. Однако американское присутствие, сколь бы странно это не звучало, обеспечивает «стабильность нестабильности». То есть, создавшийся хаос в той или иной степени управляем, что вряд ли сохранится после ухода американцев, и не исключено, что это могло быть заранее рассчитано ими – принято считать, что отступление англосаксов опаснее их нападения...

Очевидно, что формирование подобного неуправляемого региона, страны которого либо уже обладают либо стремятся заполучить ядерное оружие (в том числе Турция), является для Армении вызовом, для противостояния которому необходимы новые ресурсы и политические партнеры. Определенные возможности в этом плане содержат в себе новые развития в Европе.

Германия, Россия и «Большая Европа». Как известно, ЕС был создан в качестве структуры, в основу которой заложена взаимосвязанность, что и должно было помешать отдельным странам, в первую очередь послевоенной Германии, самостоятельно действовать и восстановиться в качестве мощной державы. Этот механизм достаточно эффективно действовал при биполярной системе и удовлетворительно – при монополярной. В результате, ЕС, будучи крупнейшей экономикой мира, в глобальной плоскости не играет какой-либо серьезной геополитической роли. Однако в условиях многополярного мира и финансового кризиса, когда особую значимость обрели собственные национальные интересы, обозначились центробежные процессы. Это обусловлено и ослаблением связей США-ЕС, и возрастанием конкуренции между ними, а также углублением разницы между развитием экономической и других сфер стран ЕС.

Наиболее готовой к новой ситуации оказалась Германия. Достаточно отметить, что за последние 10 лет конкурентоспособность германских товаров и услуг по сравнению с другими странами ЕС увеличилась на 25%. В результате, сегодня Германия в экономическом плане не только мощнейшая держава Европы, но и страна, диктующая (и уже с меньшей опорой на соседнюю Францию) правила деятельности ЕС. Характерно, что мировые СМИ часто называют канцлера Ангелу Меркель «фрау Европа».

Возросли и военно-политические амбиции этой страны: сегодня представители немецкой элиты озвучивают идеи о реформировании НАТО (подразумеваемая усиление его собственно европейской роли), обладании ядерным оружием, выводе американских баз из страны и т.д. Это свидетельствует о том, что в недалеком будущем «германизированная» Европа или, по некоторым сценариям, действующая с некоторыми своими союзниками вне формата ЕС Германия, будет стремиться занять достойное себя место в глобальной геополитической плоскости (см., например, [5-7]). В частности, эта страна может рассматривать наш регион в качестве площадки для осуществления своих геополитических амбиций (сегодня подобные тенденции проявляются немцами, например, в Афганистане), и в таком случае эти претензии, кажется, не будут противоречить нашим национальным интересам. Об этом свидетельствуют, в частности, следующие обстоятельства:

- У Германии нет выраженных нефтяных интересов в регионе, являющихся определяющим фактором в политике других западных держав и проявляется в их субъективном подходе к Азербайджану.
- У официального Берлина есть серьезные проблемы с Турцией, и здесь важен тот факт, что в Германии проживают около 3 млн. турок, 1,7 млн. из которых – граждане Турции, причем значительная их часть принципиально, а частично и следуя прямым указаниям Анкары, не стремится интегрироваться в немецкое общество. Этот фактор спровоцировал в немецком обществе проблемы цивилизационного и демографического характера, что в свою очередь уже частично отразилось на внешнеполитических подходах.

В контексте вышесказанного особенно примечателен предложенный военными кругами Германии для «противодействия восточным угрозам» и по новому отредактированный проект по формированию «Большой Европы», предполагающий включение России в Североатлантический альянс и, тем

самым, концептуальную перестройку этой структуры. Очевидно, что подобный сценарий прежде всего предполагает готовность России, учитывая небезосновательный комплекс последней в отношении НАТО и его «расширения». Однако сегодня и в российской политике заметны тенденции, которые могут придать реалистичность проекту «Большой Европы», и это обусловлено не только традиционными представлениями о геополитической оси Москва-Берлин.

На сегодня Германия – основной экономический партнер РФ, они осуществляют крупные, геоэкономические энергетические проекты. В политической сфере также есть определенные договоренности (в частности, по вопросу членства Грузии в НАТО). Вынесенные европейцами высокие оценки президентских выборов в Украине показывают, что эта страна из яблока раздора между РФ и ЕС может превратиться в площадку сотрудничества. Примеров такого рода множество, и, не вдаваясь в подробности, можно констатировать, что идея формирования «Большой Европы», будучи адекватной и логике цивилизационной общности, и реалиям многополярного мира, кажется, становится приемлемой для сторон. В создавшихся условиях США и Великобритании, в отличие от демонстрируемой ранее резко отрицательной позиции в вопросе отношений Германия-Россия, также не должны быть принципиально против проекта «Большой Европы»: подобный альянс, согласно некоторым геополитическим сценариям, может стать естественной преградой на пути возможной восточно-китайской экспансии.

В условиях такой новой по типу и уже Третьей холодной войны Армения, вероятнее всего, окажется в условном блоке Европа-РФ, а наши тюркоязычные соседи – в условном «Востоке». В таком случае Армения может приобрести статус «пограничного» или «форпостного» государства (аналогично Израилю на Ближнем Востоке), со всеми вытекающими отсюда большими рисками и возможностями. В случае определенных положительных для нас развитий эти «возможности» могут включать распад Турции и хотя бы частичное возвращение Западной Армении.

Безусловно, вышеупомянутый сценарий носит теоретический характер, и в этой связи нужно отметить, что подобные сценарные разработки требуют комплексных, проведенных с применением современных методик исследований. Однако всегда нужно помнить, что еще в 1980г. почти невозможно было представить, что через десятилетие начнется война и будут созданы две армянские республики. Вместе с тем известно, что осуществление како-

го-либо «положительного сценария» возможно только за счет усилий по предварительной подготовке таких развитий и воплощению в жизнь выгодных сценариев, что, в свою очередь, возможно только в условиях стратегического развития.

Май 2010г.

Источники и литература

1. *Напетян А.*, Разве Соединенные Штаты не признали Геноцид армян? <http://www.noravank.am/ru/?page=analitics&nid=2430>
2. *Арутюнян Г.*, Идеология и информационная безопасность, 21-й Век, 2009, #4.
3. *Арутюнян Г.*, Полиидеологические сообщества и информационная безопасность, О некоторых проблемах информационной безопасности (по материалам осенней школы по информационной безопасности, организованной НОФ «Нораванк» и Госкомитетом по науке РА), Ереван, 2009.
4. *Владимиров А.*, Государство и война. Политический класс, 2009, #2 (50), с. 95.
5. *Вашингтон Плэтт*, Стратегическая разведка. М., 1997.
6. *Тер-Арутюнян Г.*, Россия-Германия. Возможные сценарии в контексте региональной безопасности. <http://www.noravank.am/ru/?page=analitics&nid=24579>.
7. *Фридман Дж.*, Германия после ЕС и российский сценарий, (Stratfor, США) <http://www.inosmi.ru/europe/20100526/160170476.html>; *George Friedman*, Germany After the EU and the Russian Scenario, http://www.stratfor.com/weekly/20100524_germany_fter_eu_russian_scenario?utm_source=GWeekly&utm_medium=email&utm_campaign=100525&utm_content=readmore&elq=566b155cbee94b86b4644322cb43ae5c
8. Российско-германские отношения в контексте европейской безопасности (под ред. проф. В.И.Дашичева). М.: ИЭ РАН, 2009.

STRATEGY OF DEVELOPMENT AND GEOPOLITICAL SCENARIOS

Gagik Harutyunyan

Resume

The well-known developments round the Armenian-Turkish relations initiated the discussion and review of the topical problems facing Armeniacy and methods of their solution. Even a cursory glance at the situation in the Armenian communities is enough to conclude that formerly used strategies of survival today are not efficient and may cause rather negative consequences. As a main cause of the existing unfavourable situation and the obstacle for elaboration of the adequate national strategies the decrease of the intellectual potential of the Armenian community is considered. In this context it seems prospective to take the *strategy of development* implying first of all the development of the human capital as the basic principal of the national security. The availability of the highly intellectual resources, taking into consideration forming of the new military and political associations in multi-polar system, will allow not only withstanding under the probable geopolitical cataclysms but will also give an opportunity to solve some problems faced by the Armeniacy.

ПЕРСПЕКТИВЫ АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В АРМЕНИИ

*Севак Саруханян**

Общее состояние энергетической сферы

С момента обретения независимости РА энергетическая безопасность стала занимать одно из ключевых мест в системе национальной безопасности Армении. Обусловлено это было тем, что армянская энергетическая отрасль наиболее пострадала от распада Советского Союза. Начавшийся конфликт вокруг Нагорного Карабаха привел к прекращению поставок энергоносителей по территории Азербайджана, а единственным путем поставок оказалась с начала 90-х переживающая политический кризис Грузия¹.

Но сама энергетическая система Армении уже в конце 1980-х – еще в составе СССР – пережила глобальное изменение: в 1989г., в основном под давлением общественности², власти Советской Армении приняли решение о закрытии двух действующих энергоблоков Мецаморской Армянской АЭС. Построенная во второй половине 1970-х станция, состоящая из двух реакторов ВВЭР-440, на тот момент обеспечивала производство порядка 80% электричества, потребляемого экономикой и населением Армении. Закрытие такого важного предприятия привело к структурному изменению энергетической отрасли, а основная тяжесть по производству электроэнергии легла на тепловые энерговы-

*Заместитель директора научно-образовательного фонда «Нораванк», главный редактор журнала «Глобус. Энергетическая и региональная безопасность» (на армянском языке), кандидат политических наук, специалист по вопросам энергетической и региональной безопасности на Южном Кавказе.

¹ В советское время в Армению заходило 5 газопроводов, два – из Грузии, 3 – из Азербайджана. Через последние АрмССР получала около 80 % необходимого ей природного газа. После 93-его и до 2008-ого грузинский маршрут импорта газа оставался единственным для Армении.

² После спитакского землетрясения 1988г. многие представители творческой интеллигенции и лидеры зарождающегося движения за независимость начали активно внедрять в общественное сознание уверенность в том, что Мецаморская АЭС представляет огромную экологическую угрозу для страны и дальнейшее ее функционирование поставит Армению перед угрозой исчезновения. При этом никаких экспертных и профессиональных оценок перед закрытием АЭС не было сделано, а решение о прекращении деятельности двух энергоблоков было, скорее всего, политическим.

рабатывающие мощности. В условиях стабильных поставок природного газа и мазута из разных частей СССР две крупные армянские ТЭС – Разданская и Ереванская – смогли обеспечить устойчивость энергетической системы Армении. Однако с прекращением поставок природного газа через территорию Азербайджана, нарушением стабильности функционирования газопровода, проходящего по территории Грузии, и приостановкой деятельности ж/д, связывающей Россию с Грузией и Арменией и проходящей по территории Абхазии, армянская энергетическая система претерпела коллапс. Его результатом стал энергетический кризис 1992-1994гг., когда энергетические мощности производили 10-15% электроэнергии, необходимой армянской экономике и населению.

В условиях энергетического кризиса рационализм и прагматизм, которые с ростом движения за независимость перестали играть какую-либо существенную роль в политических процессах в Армении (результатом чего и стало закрытие АЭС и представленных экологически опасными химических заводов), вновь стали фактором в процессе принятия политических решений независимой Арменией. Фундаментальные изменения в структуре армянской экономики начались с энергетической отрасли во многом именно по причине кризиса первых двух лет независимости.

Важнейшими составляющими таких изменений стали:

1. Решение правительства Республики Армения от 7 апреля 1993г. «О начале восстановительных работ и возобновлении эксплуатации второго энергоблока Армянской АЭС»¹.
2. Решение правительства Республики Армения от 9 сентября 1997г. о создании российско-армянского ЗАО «АрмРосгазпром». Компания была создана с целью увеличения объемов газоснабжения, строительства местных газопроводов, производства электроэнергии и транзита российского газа. Но самыми важными задачами компании стали восстановление энергетической инфраструктуры Армении и импорт природного газа по единственно функционирующему газопроводу, проходящему по территории Грузии.

Решение правительства Армении о создании совместного армяно-российского ЗАО «АрмРосгазпром», в котором доля российского «Газпрома» в течение лет была увеличена с 45% до 80%, стало важнейшим событием для армянской энергетики. За прошедшие годы компания сумела добиться субсидируемого «Газпромом» низкого ценового режима, что дало армянской экономике

¹ Первый энергоблок восстановлению не подлежал во многом по причине того, что за 4 года после закрытия АЭС большая часть оборудования с данного энергоблока была демонтирована с самыми разными целями.

возможность быстро восстановиться во внерыночном режиме. Сама компания инвестировала около \$1 млрд. в восстановление армянской газотранспортной системы, в строительство новых местных газопроводов, а также армянского участка газопровода Иран-Армения, который создал альтернативный грузинскому маршрут импорта природного газа в Армению.

Вопрос устойчивости энергетической системы после кризиса начала 90-х занимает важнейшее место в политике по обеспечению национальной безопасности страны, проявлением чего является его особое место в «Стратегии национальной безопасности Республики Армения»¹. В ней, в качестве фактора, обеспечивающего энергетическую независимость Армении, названы армяно-российские отношения, что по сути и отражает стратегический и долгосрочный характер армяно-российского энергетического сотрудничества.

Сегодня для Армении, которая является единственной экспортирующей электроэнергию региональной страной, стратегическое значение имеет строительство новых энерговырабатывающих мощностей, которые должны обеспечить стабильность системы после закрытия Армянской АЭС в 2016г. и нарастить объемы экспорта электроэнергии. Среди них [1]:

1. строительство нового энергоблока на Армянской АЭС с мощностью более 1000 МВт;
2. возведение 5-го энергоблока Разданской ТЭС с мощностью 440 МВт²;
3. инсталляция новой газотурбинной установки с мощностью более 200 МВт на Ереванской ТЭС³;
4. строительство новых ГЭС с мощностью 1100 МВт;
5. возведение ветряных станций с общей мощностью более 200 МВт.

Важнейшим событием для Армении стало строительство газопровода Иран-Армения, который может обеспечивать РА поставками природного газа объемами до 2,3 млрд. кубометров в год, что примерно равняется годовому потреблению страны. Несмотря на то, что сегодня Армения, в условиях стабильной работы проходящего по территории Грузии газопровода, в иранском газе не нуждается, а газ, получаемый из данного газопровода, будет использован для производства электричества с целью его дальнейшего экспорта в Иран, в случае форс-мажора с поставками российского газа в Армению данный трубопровод может обеспечить стабильное функционирование армянской экономики. Газопровод Иран-Армения, тем самым, не является альтер-

¹ «Стратегия национальной безопасности Республики Армения» утверждена Советом безопасности при Президенте Республики Армения 26-го января 2007г. и подписана Президентом РА.

² Работы завершатся в середине 2010г.

³ Работы завершатся к концу 2010г.

нативой российскому газу до тех пор, пока его поступление в Армению осуществляется в стабильном режиме.

Несмотря на то, что энергетическая отрасль Армении за прошедшие годы окрепла и в стране созданы механизмы, обеспечивающие ее устойчивость, она в течение ближайших лет вынуждена будет решать важнейшую стратегическую задачу: строительство нового энергоблока на Армянской АЭС.

Важность атомной энергетики и проект нового энергоблока

Перезапуск второго энергоблока Армянской АЭС в 1995г. решил вопрос обеспечения населения и экономики электроэнергией. В дальнейшем ЗАО «АрмРосгазпром» смог достичь стабильности поставок природного газа в Армению, что повысило уровень энергетической безопасности страны. Однако, несмотря на стабильность работы армянских ТЭС и крупнейшей Воротанской ГЭС¹, атомная энергетика до сегодняшнего дня остается основой армянской электроэнергетики, производя около 40% всего электричества Армении.

С самого начала перезапуска Армянской АЭС многие европейские страны, а потом и ЕС выразили обеспокоенность по поводу ее безопасности, так как ядерный реактор станции в Мецаморе фактически является единственным, перезапущенным после его полной конверсации. С конца 1990-х годов вопрос повторного закрытия Армянской АЭС занимал важное место в отношениях Еревана с европейскими столицами. В 2003г. армянское правительство, стремясь обеспечить стабильность поставок ядерного топлива для АЭС, а также постоянный профессиональный уход за оборудованием и безопасностью станции, передало ее в доверительное управление «Интер РАО ЕЭС». Несмотря на то, что уже около 7 лет за безопасность Армянской АЭС отвечает крупнейшая российская компания, постоянные требования со стороны ЕС закрыть станцию по соображениям безопасности не прекращаются.

В 2007г. «Евроатом» начал официальные переговоры с Министерством энергетики Армении по поводу нахождения механизмов закрытия станции, однако технический формат переговоров не смог решить самую главную проблему: что получит Армения взамен закрытия. Речь идет об альтернативных тепловых, гидро- и ядерных энерговырабатывающих мощностях. Ни со стороны «Евроатома», ни со стороны ЕС армянской стороне реальных предложений по финансированию строительства альтернативных мощностей не поступало. Европейская сторона Армении предложила свой максимум содействия, который озвучил начальник главного управления Еврокомиссии по внешним связям со странами Восточной Европы, Южного Кавказа и Центральной Азии Хьюг Мин-

¹ Обеспечивает около 8% производства электроэнергии в стране.

гарелли в Ереване во время 6-ого заседания комиссии сотрудничества «Армения-ЕС»: «Если правительство Армении предпримет шаги по закрытию в кратчайшие сроки Армянской АЭС, то Евросоюз проведет международную конференцию стран-доноров с целью изыскания необходимых для этого средств» [2]. Речь фактически идет исключительно о финансировании работ по безопасному закрытию станции.

Между тем армянская сторона уже в 2005г. на уровне президента и премьера объявила, что единственной альтернативой закрытия действующего реактора будет строительство нового. Такая позиция Армении заслужила критику со стороны ЕС, однако неготовность европейских структур предложить другие проекты и финансировать их реализацию привела к изменению европейской позиции по новому реактору. В конце 2006г. посол Еврокомиссии в Грузии и Армении Торбен Хольце признал оправданным желание строительства нового реактора вместо действующего¹.

Не исключено, что европейская политика по новому энергоблоку была обусловлена тем, что Армения имеет возможность создать теплоэнергетические мощности, аналогичные ядерным. В 2010г. будет сдан в эксплуатацию пятый энергоблок Разданской ТЭС мощностью 440 МВт, то есть практически с такими же параметрами, которые имеет подлежащий закрытию энергоблок с реактором ВВЭР-440. Кроме этого, в Армении реализуется ряд других проектов, которые могут компенсировать закрытие АЭС, среди которых – строительство малых и больших ГЭС, крупнейшая из которых будет возведена Арменией и Ираном на реке Аракс с запланированной мощностью 400 МВт.

Однако проблема наличия атомного энергетического реактора для Армении не является сугубо технической. Она связана с двумя важными факторами:

1. **Региональное положение.** Разразившийся после распада СССР энергетический кризис в Армении показал, что коллапс энергетической системы может наступить не из-за отсутствия энерговырабатывающих мощностей, а из-за невозможности импорта энергоносителей. Природный газ, который после ядерного топлива является вторым по значимости энергетическим сырьем для Армении, в страну поступает по территории нестабильной Грузии, в которой риск начала новой волны дестабилизации очень высок, и из Ирана, который завтра или днем позже имеет шансы стать новым центром региональных конфликтов. При закрытых границах с Турцией и Азербайджаном Армения фактически находится в подвешенном от состояния дел в Грузии и Иране положении. При нормализации же отношений с Азербайджаном и Турцией нельзя ожидать, что после затяж-

¹ См. [2].

ного конфликта с Ереваном эти две страны в краткосрочной и даже среднесрочной перспективе могут стать его надежными энергетическими партнерами. Если завтра природный газ невозможно будет получать ни с юга, ни с севера, Армения, при отсутствии АЭС, может пережить точно такой же кризис, который она пережила в 1993-1995гг. Поэтому строительство нового реактора, получение топлива для которого не зависит от транзитной политики Грузии или Ирана, для Армении представляет особую важность.

2. **Энергетический бизнес.** Уже сегодня Армения производит электроэнергию в объемах, превышающих ее потребности. Экспорт электроэнергии в Грузию на протяжении 10 лет приносит армянской стороне пусть небольшой, но все-таки доход и создает заинтересованность грузинской стороны в поддержании с Арменией хороших отношений. С открытием армяно-турецкой границы у Еревана появится возможность выйти на рынок электроэнергии Турции, восточные провинции которой испытывают большую нехватку в электричестве, а некоторые их части только начинают электрифицировать. Очевидно, что когда вместо ВВЭР-440 в Армении появится новый реактор, более чем вдвое мощнее старого, возможности для экспорта электроэнергии у Армении резко возрастут. С этой точки зрения новый реактор может стать для страны и ее партнеров, которые будут инвестировать в строительство новой станции, хорошим бизнес-проектом. То есть сугубо с экономической точки зрения новый реактор будет ориентирован на открытие армяно-турецкой границы¹.

Юридически армянская сторона вопрос строительства новой АЭС вынесла на рассмотрение парламента, который 27 октября 2009г. в третьем окончательном чтении принял законопроект «О строительстве в Армении нового атомного энергоблока», позволяющий строительство нового энергоблока с мощностью до 1200 МВт.

Самой большой проблемой для армянской стороны до последнего времени можно было бы считать нахождение инвесторов для строительства нового энергоблока. С самого начала обсуждения возможных источников финансирования назывались самые разные страны и организации: США, Россия, Франция, Азиатский банк реконструкции и развития и т.д. Премьер-министр Армении по этому поводу сказал: «Есть очень серьезная заинтересованность этим проектом. Вообще, в мире строительство атомных станций ограничено, реакторы на 10 лет

¹ Скорее всего, этим можно объяснить адресованное приглашение турецкой стороне принять участие в строительстве станции, которое сделал премьер-министр Армении Тигран Саркисян весной 2009г.

уже зарезервированы, в том числе и в России. Известно, где и кто строит, а желающих участвовать в инвестициях – очень много, особенно сегодня, когда у многих инвесторов есть деньги и они не знают, в какие проекты вкладывать»¹.

Однако в реальной плоскости никакого заметного интереса к атомному проекту Армении ни одна страна, кроме России, не выказала. Связано это, скорее всего, с тем, что сегодня видимого бизнес-интереса вокруг нового энергоблока не возникло: вопрос открытия армяно-турецкой границы еще не решен, неизвестна реальная доля финансирования проекта с армянской стороны, а также источники, из которых Армения будет финансировать эту долю, до конца не уточнены другие риски. Немаловажную роль в скудном интересе к проекту сыграло и то, что армянская сторона ищет как инвестора строительства, так и компанию, которая будет строить станцию, фактически стремясь предоставить только площадку под строительство. В этих условиях завлечь инвестора можно только двумя путями:

- показывая, что его инвестиции сравнительно быстро окупятся и в сравнительно не очень далекой перспективе будет возможно получить доход;
- используя не экономическое, а политическое значение проекта, оставляя в стороне такие категории, как очевидная окупаемость и большие доходы.

С полной уверенностью можно сказать, что армянская сторона преуспела именно во второй части, так как по первой очевидных инструментов и аргументов у нее не было. Решению вопроса финансирования строительства нового энергоблока явным образом поспособствовали российско-армянские отношения и стратегический интерес России в укреплении собственных позиций на региональном энергетическом рынке. Речь тут не только об Армении, но и о Турции и Иране, куда в дальнейшем может быть экспортирована электроэнергия, вырабатываемая на новом энергоблоке Армянской АЭС. Сегодня Армения – единственная региональная страна, имеющая потенциал для такого экспорта. Со строительством нового энергоблока этот потенциал может только возрасти.

Практически на всех армяно-российских переговорах на высшем уровне обсуждался вопрос строительства нового энергоблока армянской АЭС. В итоге 3 декабря 2009г. правительство Армении одобрило проект решения о создании ЗАО для строительства нового блока Армянской (Мецаморской) АЭС. В ЗАО в равных долях вошли российская компания «Атомстройэкспорт» и армянская сторона в лице министерства энергетики и природных ресурсов. Реактор нового блока Армянской АЭС, мощностью 1060 МВт, со сроком эксплуатации 60 лет, как было объявлено во время заседания правительства, будет российского про-

¹ ИА «Арка», 19 октября, 2009.

изводства. Как заявил премьер-министр Армении Тигран Саркисян, «принимается политическое решение – даем согласие на создание совместного с нашими российскими партнерами предприятия с равными долями участия»¹.

Проект нового энергоблока, строительство которого планируется начать уже в следующем году, по предварительным данным может обойтись до \$5 млрд. Предположительно половина работ будет финансироваться компанией «Атомстройэкспорт», а другая часть – армянской стороной, которая, скорее всего, получит отдельный кредит от РФ для финансирования своей части затрат. На станции, по всей видимости, будет установлен реактор ВВЭР-1000.

Другим, не менее важным аспектом в ядерной сфере можно назвать армяно-российский проект по поиску урановых руд в РА. В 2008-м году было создано совместное предприятие по геологоразведке, добыче и переработке урана на территории Армении – ЗАО «Армяно-российская горнорудная компания», которая в 2009 году начала полевые работы в Сюникской области РА, где, как предполагается, есть залежи урана. По самым разным прогнозам, запасы урана в Армении колеблются от 10 до 60 тыс. тонн. Армения в 2008г. официально присоединилась к международному центру по обогащению урана в Ангарске, где планируется перерабатывать добытый в Армении уран. Российская сторона выделила ЗАО «Армяно-российская горнорудная компания» на геологоразведку урана \$3 млн. Уставной капитал СП состоит из 300 простых именных акций по 150 акций у каждой стороны с номинальным уставным капиталом около \$300 тыс. [3].

По этому вопросу одной из самых чувствительных проблем является вывоз урана из Армении в Ангарск для дальнейшей переработки. Отсутствие железнодорожной связи у Армении с внешним миром (кроме Грузии) затрудняет экспорт в крупных объемах. Теоретически, для вывоза могут быть использованы грузинские порты, однако российско-грузинские отношения в данном случае могут сыграть свою отрицательную роль. В будущем возможность для экспорта урана может появиться благодаря строительству железной дороги из Армении в Иран, но стороны пока еще никаких конкретных соглашений о нем не подписали. С другой стороны, неизвестно, когда экспорт радиоактивных материалов по территории Ирана, могущих быть использованными в военных целях, станет допустимым для международного сообщества.

Хотя работы «Армяно-российской горнорудной компании» проходят в интенсивном режиме, говорить о скорой добыче урана в Армении еще рано.

¹ <http://www.regnum.ru/news/1231523.html>

Заключение

1. Для Армении вопрос обеспечения энергетической безопасности занимает центральное место в системе национальной безопасности. Благодаря этому за прошедшие годы страна продвинулась в стабилизации и обеспечении развития энергетического сектора страны, создав новые мощности и диверсифицировав маршруты доставки энергетического сырья.
2. Однако, несмотря на достигнутые результаты, Армения продолжает быть зависима – энергетически и политически – от атомной энергетики, которая на сегодняшний день является «хребтом» национальной энергетической системы. Поэтому вопрос закрытия действующего энергоблока Армянской АЭС представляет угрозу энергетической безопасности Армении, если не будет создана альтернативная мощность.
3. Исходя из этого, решение о строительстве нового атомного энергоблока отвечает интересам Армении, а в дальнейшем обеспечит энергетическую безопасность страны и создаст возможности для экспорта электроэнергии. Важно отметить, что окупаемость строительства станции напрямую связана с армяно-турецким диалогом, который может привести к началу экспорта вырабатываемой новым энергоблоком электроэнергии в Турецкую Республику.

Апрель, 2010г

Источники и литература

1. *Карапетян К.*, Роль Армении в обеспечении энергетической безопасности южно-кавказского региона // 21-й Век, # 4(22), 2008, с. 23 (на армянском языке).
2. Деловой Экспресс – Экономический еженедельник Армении // №24 (632), 30 июня – 6 июля 2005г.
3. *Мовсесян Г.*, Будущее Армении – в развитии ядерной энергетики // Республика Армения, № 093 (479), 22 декабря 2006г.
4. *Аванесов А.*, Кто будет строить новую АЭС в Армении // Мировая энергетика. № 1 (60), январь 2009г.

THE PROSPECTS OF NUCLEAR ENERGY IN ARMENIA

Sevak Sarukhanyan

Resume

Armenia had faced the change of the energy system already before the independence. By the decision of the government of the Armenian SSR two operating reactors of the Armenian Nuclear Power Plant, which had been the basis of the energy system of the Soviet Armenia, were shut down. After shutting down the Nuclear Power Plant the thermal energy became the basis of the Armenian energy system and such a state of things has changed only after restarting second power generating unit of the Metzamor Nuclear Power Plant.

In 2016 shutting down of the working power generating unit of the Nuclear Power Plant will have to start which will cause new changes in the energy system of Armenia. Despite the fact that the alternative capacities are created in the country and the gas supplies through the territory of Georgia and from Iran are carried out in a stable mode, Armenia needs new nuclear energy reactor which will lower the risks for the national energy sector proceeding from regional processes and relations.

The interest of the Russian party in new Nuclear Power Plant in Armenia caused the establishment of Armenian-Russian joint venture which will undertake the building of the reactor and, most probably, will look for the sources of financing among the potential Russian investors. At the current stage, one may say that the prospects of building new power plant in Armenia are rather substantial.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

*Ваге Давтян**

В современном мире при постоянном возрастании рисков и угроз, исходящих из разных сфер человеческой жизнедеятельности, «безопасность» представляет собой одну из самых актуальных и вместе с тем спорных категорий в научных, политических, финансовых и других средах. В литературе существует множество определений данной категории, уже давно перешедшей в разряд философских и представляющей собой важнейшее условие жизни человека, общества и государства.

Безопасность есть результат социальной деятельности по обеспечению безопасности личности, общества, государства. Все эти три компонента являются важными составляющими формирования национальной безопасности, определяемой как защищенность жизненно важных интересов личностей (граждан), общества, государства, а также национальных ценностей и образа жизни от широкого спектра внешних и внутренних угроз, различных по своей природе (политических, военных, экономических, информационных, экологических и др.).

Энергетическая безопасность, будучи важной экономической и политической категорией, занимает одно из центральных мест в системе национальной и государственной безопасности.

Энергетическая безопасность – сравнительно новое понятие в научном лексиконе, однако вокруг него уже успели развернуться многоуровневые научные дискуссии и трения. Большинство исследователей определяют энергетическую безопасность как крайне неоднозначное понятие современности. Как пишет российский исследователь Ю.В.Боровский, такая неоднозначность трактовок вызвана несколькими обстоятельствами. «Во-первых, – пишет он, – понятие

* Аспирант кафедры мировой политики и международных отношений Российско-Армянского (Славянского) университета. Начальник Службы по связям с общественностью ЗАО «Южно-Кавказская железная дорога».

«энергетическая безопасность» используется как в национальном, так и в глобальном контекстах. Во-вторых, определения энергетической безопасности, дающиеся в рамках одной страны, сопряжены с высокой долей субъективизма, отражающего особенности национального энергетического потенциала. В-третьих, энергетика трактуется в ряде случаев не просто как отраслевая проблема, а как ключевая проблема всей системы национальной безопасности страны, непосредственно влияющая на политические, геополитические и геоэкономические процессы» [1].

В «Энергетической стратегии России на период до 2020г.» энергетическая безопасность определяется как состояние защищенности страны, ее граждан, общества, государства, обслуживающей их экономики, от угроз надежному топливно- и энергообеспечению. Эти угрозы определяются как внешними (геополитическими, макроэкономическими, конъюнктурными) факторами, так и собственно состоянием и функционированием энергетического сектора страны [2]. При этом в «Стратегии» отмечается, что обеспечение национальной безопасности является одной из основных задач энергетической политики.

«Стратегия» выделяет следующие цели политики энергетической безопасности:

- способность ТЭК надежно обеспечивать экономически обоснованный внутренний и внешний спрос энергоносителями соответствующего качества и приемлемой стоимости;
- способность потребительского сектора экономики эффективно использовать энергоресурсы, предотвращая тем самым нерациональные затраты общества на свое энергообеспечение и дефицитность топливно-энергетического баланса;
- устойчивость энергетического сектора к внешним и внутренним экономическим, техногенным и природным угрозам, а также его способности минимизировать ущерб, вызванный проявлением различных дестабилизирующих факторов [2].

В качестве подобных дестабилизирующих факторов можно рассматривать риски, вызванные причинами политического характера: войны, терроризм, ужесточение конкуренции за доминирование в том или ином энергоносном регионе и пр. Защищенность от подобных рисков и является важной составляющей национальной безопасности. Следовательно, можно констатировать, что энергетическая безопасность является не только важной компонентой национальной безопасности, но и одним из ее главных гарантов, направленных на ее обеспечение и защиту.

Как отмечает К.Карпетян, в настоящее время в экономической литературе используются три основных определения энергетической безопасности, которые, по мнению исследователя, взаимодополняют друг друга:

- энергетическая безопасность – уверенность в том, что будет нужное количество и качество энергии, необходимой в данных экономических условиях;
- энергетическая безопасность – состояние защищенности жизненно важных «энергетических интересов» личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз;
- энергетическая безопасность – степень защищенности страны (региона), ее граждан, общества, государства и экономики в нормальных условиях и чрезвычайных ситуациях от нехватки приемлемых по качеству, экономически доступных топливно-энергетических ресурсов, а также от угроз стабильным поставкам топлива и энергии [3].

Как видим, перечисленные выше определения трактуют понятие «энергетическая безопасность» с разных точек зрения: технической, экономической, социальной, политической и пр., тем самым показывая многоаспектность и многогранность исследуемой категории. Думается, что все перечисленные подходы невозможно рассматривать врозь, так как каждый из них, начиная от технического до политического, исходит из другого; они во многом обуславливают друг друга.

К понятию «энергетическая безопасность» мировое сообщество впервые обратилось во время первого нефтяного кризиса, разразившегося в 1973г. 16 октября на проходящей в Вене встрече между представителями стран-членов *ОПЕС* (Саудовская Аравия, Иран, Ирак, Объединенные Арабские Эмираты, Катар, Кувейт) и ряда нефтяных компаний указанными странами Персидского залива было принято решение о повышении цен на нефть с \$2 до \$3,65 за баррель. Сегодня, когда цены на нефть меняются скачкообразно, подобное повышение кажется незначительным. Однако на тот период это стало радикальным шагом со стороны *ОПЕС*, несущим в себе глубокую политическую мотивацию. Как известно, незадолго до принятия этого решения, 6 октября 1973г. египетская и сирийская армии напали на Израиль, развязав четвертый израильско-арабский конфликт. «Саудовская Аравия, первая из стран – мировых экспортеров нефти, заявляет о снижении производства своей продукции на 10% и о прекращении всех поставок Соединенным Штатам и Голландии за их поддержку Израиля, – пишет французский исследователь Эрик Лоран в своем труде «Нефть: ложь, тайны, махинации». – Выбор пал на Нидерланды, возможно, также и потому, что порт в Роттердаме принимал крупные партии нефтяных гру-

зов с Ближнего Востока. То, что танкеры больше не причаливали в голландских портах, позволило усилить давление на Европу» [4].

Будучи не столь традиционным в научном понимании, понятие «энергетическая безопасность» изначально рассматривалось как система, направленная на обеспечение бесперебойных и стабильных поставок сырья по соответствующим тенденциям мирового рынка цен, вместе с тем играющая роль влиятельного инструмента при решении ряда политических вопросов, как правило, международного масштаба. Со времен нефтяного кризиса 1973г. прошло немало времени, и хотя система международных отношений с тех пор претерпела ряд изменений, однако в целом она продолжает функционировать вокруг перманентных конфронтаций при применении разнообразных дипломатических и недипломатических механизмов с целью оказания скрытого или явного давления друг на друга. Одним из таких механизмов является мировая система энергетической безопасности, достижение которой становится предлогом для крупных энергодержав в проведении зачастую жесткого внешнеполитического курса.

Таким образом, энергетическая безопасность – один из главных политических и геополитических факторов в современном мире, непосредственно влияющий на формирование современной системы международных отношений.

«Сегодня практически не требует доказательств точка зрения о том, что энергетическая безопасность не существует сама по себе, а напрямую связана с более широкими отношениями между государствами и способами их взаимодействия друг с другом», – пишет А.И. Шумилин [5]. Рассматривая проблему влияния энергобезопасности на формирование внешней политики России, ученый констатирует, что комплекс вопросов, касающихся экспорта углеводородов, становится не просто важным, а доминирующим фактором внешней политики России, как и многих других государств, независимо от того, являются они экспортерами или импортерами энергоресурсов. А.И.Шумилин отмечает, что помимо термина «энергетическая безопасность» в политический и деловой оборот введены новые понятия – «внешняя энергетическая политика» и «энергетическая дипломатия».

Безусловно, внешняя политика государства не должна быть заиклена на энергетической составляющей и сводиться к так называемому «энергетизму». Однако, как показывает мировой опыт, это, как правило, бывает неизбежным для стран, располагающих большим ресурсным либо транзитным потенциалом. Особенно это неизбежно сегодня – при постоянно прогнозируемом истощении мировых запасов углеводородов. И хотя многие из этих прогнозов часто делаются с претензией на сенсацию, тем не менее они имеют под собой довольно веские основания. Очевидно, что при наличии подобных пессимистических

прогнозов позиции крупных держав в вопросах обеспечения мировой энергобезопасности приобретают все более активный характер. В настоящее время в мире есть ряд регионов с неизведанными или малоизведанными источниками углеводородов. С целью обеспечения своей энергетической безопасности мировые державы зачастую прибегают к политическому, военному и иному давлению над указанными регионами, получившему в литературе название «энергетические войны».

Как говорит автор книги «Нефть, PR, война» М.Коллон, «кто хочет управлять миром, должен контролировать нефть». Ушедший век доказал, что все крупномасштабные войны так или иначе были связаны с нефтью. В центре Первой и Второй мировых войн оказалась кавказская и ближневосточная нефть, а во время Холодной войны доступ «свободного мира» к нефтяным месторождениям – особенно Ближнему Востоку – имел основополагающее значение для внешней политики Запада. В 1991г. западные государства не остановились даже перед финансированием дорогостоящей войны, чтобы воспрепятствовать попаданию кувейтской нефти в руки Ирака [6].

В настоящее время с целью использования энергоресурсов в качестве инструмента для решения ряда вопросов геополитического характера крупные энергодержавы все чаще прибегают к монополизации нефтегазового сектора, ужесточая государственный контроль над основными энергетическими компаниями. Так, начало второго президентского срока В.Путина в России было отмечено рядом шагов по усилению государственного влияния на энергетическую отрасль. Российские государственные компании «Газпром» и «Роснефть» увеличили свой масштаб путем покупки находящихся ранее в частном секторе нефтяных компаний «Юганскнефтегаз» и «Сибнефть» [6]. Усилив контроль над энергетическим сектором, российские власти тем самым непосредственным образом подняли свой политический вес на международной арене. К монополизации, а часто и национализации своего нефтегазового сектора сегодня прибегают также такие государства, как США, Иран, Венесуэла и др.

Очевидна нацеленность внешнеполитической деятельности энергодержав на усиление экономических и геополитических позиций в разных регионах мира путем применения своих энергетических возможностей. Обращаясь к российской модели, отметим, что пока еще рано говорить о всесторонней и глубокой энергоинтеграции этого государства на международном уровне, однако для этого имеются все необходимые сырьевые и политические основания, которые позволяют России позиционировать себя в качестве главного гаранта глобальной энергетической безопасности. Последнее сводится к приобретению страной нового геополитического качества за счет расширения своего присутствия в глобальном энергетическом пространстве.

Свою энергетическую безопасность Россия определяет исключительно в контексте глобальной энергетической безопасности, что объясняется рядом причин. Среди них – наличие в России крупнейшего ТЭК в мире, стремление быть лидирующей державой в мире, а следовательно, претензия на амбициозную роль гаранта международной безопасности, в том числе энергетической. Стремление России развиваться по этому пути неоднократно звучит в официальных выступлениях высшего руководства страны.

Многие концептуальные вопросы, касающиеся энергетической политики, нередко затрагиваются президентом РФ. На состоявшейся в январе 2006г. пресс-конференции В.Путин заявил, что погоду в мировой энергетике делают крупные многонациональные (мультинациональные) американские и европейские компании. Поэтому для эффективной реализации энергетической стратегии страны национальные компании России должны развиваться по такому же пути (отсюда, кстати, наличие государственного контроля над такими российскими монополиями, как «Газпром» и «Роснефть») [1].

Можно констатировать, что одной из важных задач, поставленных перед мировым сообществом, является обеспечение глобальной энергетической безопасности (ГЭБ). Среди принципов обеспечения ГЭБ группа экспертов Центра устойчивого энергетического развития выделяет:

- развитие энергодиалога и энергетической дипломатии для обеспечения ГЭБ;
- совместные действия по предотвращению и разрешению энергетических конфликтов и ликвидации чрезвычайных ситуаций в энергетической сфере;
- коллективная ответственность мировых держав за обеспечение устойчивого доступа всех жителей планеты к жизненно важным средствам и источникам энергообеспечения;
- поддержка международных организаций в сфере энергетики в части привлечения инвестиций, развития инновационной энергетики, согласования корпоративных действий транснациональных энергетических компаний [7].

Обращаясь к энергетической безопасности Армении, отметим, что данный вопрос исследован не в достаточной мере как отечественными, так и зарубежными экспертами. Речь идет прежде всего о политической составляющей вопроса. Что касается сугубо технической, экономической и финансовой частей, то они исследованы и продолжают исследоваться в достаточной мере. Очевидно, что лишь при наличии определенной информации технического, экономического и финансового характера можно выстраивать политический и геополитический

литический анализ энергетической безопасности. Подобных трудов в отечественной научной литературе немало. Достаточно отметить такие фундаментальные исследования, как «Энергетический менеджмент» Л.С.Оганнисяна, «Применение водосберегающих технологий в энергетике», В.З.Марухяна и Л.С.Оганнисяна, «Альтернативные источники энергии» В.В.Атояна, «Отопление» Г.Б.Гарояна и Б.Г.Гарояна, «Основы физики и эксплуатации реакторной установки ААЭС» А.А.Геворкяна, Л.С.Оганесяна и А.Г.Худавердяна, «Эксплуатация турбинных установок тепловых электростанций» Л.М.Казаряна, «Оценка экологического риска» А.В.Тадевосяна и др.

Однако, как нам кажется, даже при наличии ряда аналогичных исследований политический анализ энергетической безопасности Армении находится в зачаточном состоянии. Необходимо понимать, что для полноценного становления системы энергетической безопасности нужно создать соответствующее научно-информационное поле, способствующее развитию данной отрасли.

Как пишет К.Карапетян в статье «Армения и региональные энергетические процессы в контексте информационного обеспечения», необходимо новое качество информационного сопровождения для обеспечения поддержки инициатив политической и бизнес-элит в сфере энергетики. Нужна такая ситуация, при которой креативные планы и проекты бизнес-элиты имеют объективную и высокопрофессиональную поддержку в информационной среде, тем самым создавая для политических лидеров стран региона необходимый «фон» и мотивацию распознать эти проекты как жизнеспособные и важные для развития страны. По К.Карапетяну, отмеченное взаимодействие в идеале должно послужить созданию необходимой комфортной среды для взаимной интеграции энергетических программ в регионе.

С целью достижения указанной комфортной среды автор считает необходимым:

1. совместными усилиями выработать определенный «кодекс поведения» в информационном пространстве, особенно в освещении региональных энергетических проектов. В основе данного кодекса должны лечь принципы частного и объективного взгляда на вещи, прагматизм и нацеленность на сотрудничество;
2. использовать имеющиеся информационные ресурсы для распространения прогрессивных форм и методов управления энергетикой и активного участия населения в обсуждении проблем энергетической безопасности стран нашего региона и Армении в частности;

3. неустанно повышать профессиональный уровень участников информационного процесса. Информация должна быть профессиональной и качественной. Сегодня, к сожалению, редко можно встретить высокопрофессиональный анализ энергетических проектов и моделей развития [8].

Безусловно, формирование грамотной информационной политики во многом сможет способствовать функционированию энергетических процессов в регионе, реализации ряда проектов и совершенствованию международного сотрудничества. Особая значимость сегодня придается информационно-аналитическим исследованиям, способным выявить политическую составляющую категории «энергетическая безопасность», т.к. последняя является наиболее неоднозначной и многовекторной. В армянской энергетической литературе подобные исследования являются большой редкостью и преимущественно сводятся к статьям и докладам, но никак не к фундаментальным научным трудам.

Давая общую характеристику энергосистеме Армении в исследовании «Энергетика Армении: региональный игрок без собственных энергоресурсов», исследователь А.Хачатрян пишет: «Армения – небольшое государство, полностью лишенное ископаемых запасов энергоносителей и обладающее ограниченными запасами других источников энергии. Тем не менее она является одной из наиболее обеспеченных энергией стран СНГ, более того, государством с нарастающим потенциалом экспорта электричества. Этого удалось добиться благодаря не только грамотному отношению к сформированным еще в советский период ресурсным возможностям, но и политике, направленной на использование современных эффективных и энергосберегающих технологий» [9].

Говоря об особенностях энергетической системы Армении, А.Хачатрян отмечает тот факт, что значительная часть ее активов принадлежит иностранным, главным образом российским, инвесторам. Доминирующее положение среди них занимают компании, которые контролируются правительством РФ: «Газпром», «Интер РАО ЕЭС», «Росатом» и др. «Такое положение могло бы вызывать (и порой вызывает) опасения, что страна попадет в зависимость от другого, пусть даже дружественного государства. В действительности же вовлеченность РФ в энергетику Армении к настоящему времени можно оценить положительно. Россия не только обеспечивает отрасль необходимыми капиталовложениями, которые нынешней Армении не по плечу, но и предоставляет ряд других преимуществ», – пишет автор [9].

О присутствии российских компаний на энергетическом рынке Армении говорит также Ю.В.Боровский. По его мнению, используя неспособность Армении оплачивать российские поставки газа и урана, Москва сумела в конце

1997г. убедить Ереван пойти на создание совместного предприятия «АрмРосгазпром», в рамках которого «Газпром» и «Итера» получили контроль над армянской газовой инфраструктурой. Ю.В.Боровский констатирует, что наибольших результатов удастся достичь РАО «ЕЭС России». Эта компания не только устанавливает контроль над 80% электрогенерации Армении (включая Армянскую АЭС, покрывающую 40% национальной энергогенерации), но и обеспечивает себе право (вместе с СП «Армросгазпром») на поставки армянской электроэнергии в Грузию. «Важно отметить, – пишет автор, – что РАО «ЕЭС России», получив в 2003г. Армянскую АЭС в финансовое управление, не только вывело станцию из кризиса, но и оздоровило ее работу. Примечательно, что подобные достижения РАО по-прежнему идут вразрез с многолетними требованиям Европейского Союза о закрытии АЭС».

Однако, несмотря на объективность изложенной выше точки зрения, среди ряда отечественных исследователей существует мнение, что в любом случае для Армении энергетическая безопасность равноценна энергетической независимости. Под последней преимущественно понимается снижение зависимости от российских компаний, развернувших свою деятельность в Армении.

«Особое значение для обеспечения стабильного развития Республики Армения имеет повышение степени независимости ее собственной энергосистемы. В условиях Армении это означает сокращение зависимости от импортируемого топлива, что в свою очередь положительно скажется на платежном балансе Армении, повышении ее безопасности и конкурентоспособности на международной арене», – считают В.Одабашян и С.Хачатрян [10]. В связи с этим авторы отмечают важность выявления собственного потенциала возобновляемой энергии и его эффективного использования в экономике.

Конечно, развитие возобновляемых видов энергии сегодня является наиболее важным приоритетом международной энергетической безопасности. Снижение зависимости от традиционных видов энергии и переход на новые, экологически более чистые и безопасные виды является неизбежным условием, с которым рано или поздно придется считаться всем. Очевидно, что Армения не должна составлять исключение и противиться требованиям, предъявляемым самим временем. Однако насколько подобный подход приемлем для современной Армении? Говоря о необходимости развития возобновляемой энергетики, необходимо понимать те политические факторы, которые непосредственным образом влияют на ее формирование. Очевидно, что на сегодняшний день энергетическое сотрудничество с Россией является главным полем развития российско-армянских отношений. Армения – весьма перспективный рынок сбыта российского газа. Широко известно, что Армения занимает лидирующую пози-

цию по уровню газификации в СНГ, а по использованию сжиженного газа в качестве моторного топлива и вовсе является мировым лидером. Таким образом, всестороннее развитие возобновляемой энергетики, а следовательно, снижение энергетической зависимости от России создаст определенное напряжение между двумя странами. Последнее, безусловно, может привести к ослаблению стратегического сотрудничества с Россией, что отнюдь не желательно для Армении.

И, тем не менее, в отечественной экспертной литературе предпринимаются попытки выявить возможные пути развития и диверсификации энергетической системы. Рассматривая энергетическую безопасность Армении как необходимое условие становления энергетической безопасности всего региона, К.Карапетян пишет: «В центре внимания надо держать вопрос: какое место может занять Армения на энергетической карте Южного Кавказа? Что будет являться ориентиром для Армении во всеобщей конкуренции за энергоресурсы? Другим важным вопросом является то, какие факторы, показатели должны лечь в основу обеспечения энергетической безопасности региона. Эти вопросы будут играть ключевую роль в разработке энергетической политики Армении, которая должна быть направлена на формирование качественно новой, основанной на экспорте политике». По мнению автора, Республика Армения по своему расположению является связующим звеном между богатыми углеводородами Российской Федерацией, Исламской Республикой Иран и странами Каспийского моря. Состоявшееся и динамично развивающееся партнерство с такими мировыми «гигантами», как ОАО «Газпром», компания «Интер РАО ЕЭС», Российское агентство по атомной энергетике (Росэнергоатом), формирует для Армении качественно новые условия и создает беспрецедентную возможность для становления страны как одного из ключевых участников регионального энергетического рынка [11, сс.159-160].

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы:

1. Безопасность является одной из базовых и наиболее ключевых категорий в современной действительности, без всестороннего изучения которой невозможно полноценное формирование и функционирование ни одной системы – экономической, политической, информационной, культурной, экологической и пр.
2. Обеспечение энергетической безопасности следует рассматривать в качестве важного условия становления национальной и государственной безопасности как стран-экспортеров и импортеров, так и стран-транзитеров.

3. Энергетическая безопасность играет ключевую роль в современной системе международных отношений и представляет собой сложную политическую категорию. В качестве точки отсчета формирования политической компоненты энергетической безопасности рассматривается первый энергетический кризис 1973г.
4. Обеспечение гаранта энергетической безопасности возможно лишь путем взаимодействия и сотрудничества на региональном и международном уровнях. Приоритетным является поэтапное выстраивание системы глобальной энергетической безопасности.
5. Армения сегодня не располагает четко сформированной энергетической политикой ввиду сложной геополитической ситуации. Подходов отечественных экспертов к российскому присутствию на армянском энергетическом рынке неоднозначен и часто расплывчат, что объясняется отсутствием грамотного информационного поля, всестороннего политического и экономического анализа энергетической безопасности Армении, а также ограниченностью необходимой научной литературы.

Март, 2010г.

Источники и литература

1. *Боровский Ю.В.*, Мировая система энергоснабжения. М.: Навона. 2008 – 296 с.
2. Энергетическая стратегия России на период до 2020 года (www.gazo.ru).
3. *Карапетян К.*, Роль Армении в обеспечении энергетической безопасности Южного Кавказа // «21-й Век»: информационно-аналитический журнал. Ер., 2009. 2(10), сс. 3-27.
4. *Лоран Э.*, Нефть: ложь, тайны, махинации / Пер. с фр. – М.: Столица-Принт. 2007 – 432 с.
5. *Шумилин А.И.*, Энергетическая стратегия России и США на Ближнем Востоке и в Центральной Азии. М.: Междунар. отношения. 2008 – 168 с.
6. *Ким Чжи Ен.* Энергетический фактор и гегемонизм США // Власть: Общенациональный политический журнал. 2007, N 4, сс. 78-81.
7. Глобальная энергетическая безопасность / Группа экспертов Центра устойчивого энергетического развития. – 2006 // isedc.com/files/Image/Publications/ЕЕС_Book_12_Photos_2.pdf
8. *Карапетян К.*, Армения и региональные энергетические процессы в контексте информационного обеспечения // «21 Век»: информационно-аналитический журнал. 2009, N1 (9), сс. 3-7.
9. Энергетика Армении: региональный игрок без собственных энергоресурсов // Центральная Азия и Кавказ. 2008, N 5 (59), сс. 113-122.

10. *Одабашян В., Хачатрян С., Возобновляемая энергетика в Республике Армения. // «21-й Век»: информационно-аналитический журнал. 2007, N2 (6), сс. 143-158.*
11. *Карпетян К.В., Методология оценки и пути повышения уровня энергетической безопасности в Республике Армения. – Ереван. Edit Print, 2009 (на арм.).*

ENERGY SECURITY AS A POLITICAL CATEGORY

Vahe Davtyan

Resume

The article features the main political aspects of such category as “energy security”, the level of its dependence on domestic and foreign political trends. Alongside the system forming role of the energy security in the formation of political and sometimes even geopolitical architecture of different regions in the world is studied; its significance in forming modern international relations is stated. On the assumption of that, the “energy security” is postulated as a political category.

The subject is presented on the examples of both international and Armenian scientific and practical experience.

АРМЕНОЦИД: ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРЕЦЕДЕНТ СТОЛКНОВЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

*Левон Ширинян**

«Армения – авангард Европы в Азии», эта, давно предложенная, формула правильно определяет положение армянского народа в нашем мире. Историческая миссия армянского народа, подсказанная всем ходом его развития – искать и обрести синтез Востока и Запада».

Валерий Брюсов

В наши дни стало модным говорить о диалоге цивилизаций, однако не стоит забывать о несовместимости культур и цивилизаций, зачастую приводящей к конфликтам с трагическими последствиями.

Одним из таких фактов является и арменоцид, среди многих причин которого был и культурный фактор. По сути дела, он стал следствием затяжного этнического конфликта от Балкан до Анатолии и Кавказа, конфликта между армянами-христианами и турками-суннитами. Оказавшись не в состоянии поглотить чуждую ей культуру, националистическая турецкая верхушка со временем взяла стратегический курс на ее уничтожение и искоренение.

Итак: 24 апреля 1915г. в Западной Армении, армянской Киликии и на остальной части Османской империи по решению правительства этой страны и по воле турецкого народа развернулись события, направленные на «окончательное решение» Армянского вопроса, то есть тотальное истребление разоруженного и беззащитного народа, события, которые в Декларации правительств держав-союзниц – России, Великобритании и Франции – от 24 мая 1915г. охарактеризованы как преступление «перед человечностью и цивилизацией».

* Доктор политических и кандидат философских наук, заведующий кафедрой политологии и истории права Армянского государственного педагогического университета им. Х. Абовяна.

Действия турок были заранее продуманы и детально спланированы, цель была ясна: «уничтожить целый народ» полностью, раз и навсегда, покончить с самим названием «Армения» и стереть с лица земли ее цивилизацию, превратить Западную Армению в логическую нелепость – «Восточная Анатолия», присвоить ее культуру¹, с помощью турецкой традиции грабежа и насилия захватить огромные материальные богатства армян империи².

Изощренный турецкий ум вынашивал это злодеяние десятилетиями и начал с намеренного изменения топонима страны и искажения демографии. В 1862г. была осуществлена коренная реорганизация губерний империи. В результате бывшая огромная по территории губерния «Эрменистан эйалет» подверглась раздроблению на Эрзерумскую, Битлисскую и Ванскую, к каждой из которых с целью изменения демографического состава были присоединены – «кривыми, искусственно проведенными» границами – районы с исламским населением. Затем, в 1878-м, спустя два года после Берлинского конгресса, дабы еще более сократить удельный вес коренного населения, в Западной Армении были проведены новые административно-территориальные деления. А в 1880-е годы было запрещено употребление слова «Айастан» (Армения). До поры до времени подобные действия имели целью растворить живущих на своей земле армян в чуждой среде, среди разноплеменного сброда, именуемого «мусульманами».

Поводом для «корректировки» турецкой позиции в этом вопросе стал заметный экономический и цивилизационный подъем армян, начавшийся в середине 19 века. Английский священник Б.Барейль отмечает, что принятие Национальной Конституции западных армян (1860) «ознаменовало собой революцию в привычках и обычаях Востока». Поэтому «вскоре армяне стали подозрительным элементом как для Турции, так и для России, и с этого дня у них больше не было спокойной жизни» [2, сс. 15-16].

Воистину общеизвестная турецкая зависть и желчь сыграли исключительную роль в подготовке этно-психологической почвы для арменоцида³. А «главным аргументом» было все-таки неудержимое желание турок «присвоить» родину армян – Армению, отобрать ее у законных хозяев. Поголовное истребление армянского населения ясно показало: в Турции могли меняться султаны и

¹ Немецкий искусствовед Эрнст Диц считает, что искусство сельджуков – продолжение армянского. См. [1].

² Общая стоимость разграбленного турками в годы Геноцида имущества армян составила примерно 5 млрд. американских золотых долларов. Часть этих богатств прикарманили сами грабители и властная верхушка, а львиная доля была использована для нужд кемалистского движения, в частности, для войны, развязанной турками против Восточной Армении.

³ Впервые этот термин ввел в научный оборот сирийско-арабский ученый-историк Муса Принс (*Moussa Prince*) в 1967г.

правители, их политическая окраска, пол, вера и национальность, но только не главная цель – уничтожение Армении.

И когда в период сотрудничества Ленина и Ататюрка перспектива окончательного уничтожения Армении и армян обрела реальные и окончательные очертания, министр иностранных дел уже кемалистской Турции Ахмед Мухтар «объяснил» командующему восточным фронтом Кязиму Карабекиру (дело теперь касалось Восточной Армении): «Армения находится на обширных мусульманских территориях, а потому **ее нужно уничтожить как политически, так и физически**. Следует учитывать, что общая политическая обстановка и наша сила благоприятствуют реализации этого плана» [см. 3, сс. 76-77].

Отметим, что план уничтожения Армении сформулировал и начал претворять в жизнь Абдул Гамид. Его соратники и последователи, вплоть до Кемалю, только продолжили начатое им дело. Процесс стабилизации и объединения империи, трещавшей по швам под мощным давлением европейских сил (политика великих держав, национально-освободительные войны и т.д.) Гамид «направил» на восток. Его целью был выход к **Западной Аравии, мусульманским святыням** и Армении [4, с. 29]. Балканские войны только укрепили его в этом намерении. «Я не буду сожалеть о потере Балканских стран, высасывающих все наши силы», – говорил Абдул Гамид. «**Мы хотим остаться в Анатолии и должны жить отдельно**», – провозгласил «кровавый султан» [5, с. 812, 827].

Гамидовская идея-установка встретила понимание в Европе. В этом плане весьма красноречиво обращение барона Ганса фон Вангенгейма к «провозвестнику» германского национал-социализма – Центральному комитету «Иттихата» (в канун войны 1914г.): «Вам выгоден союз с Болгарией. Необходимо выйти к черте Берлин-Константинополь, вооружив проливы, лишить Россию помощи извне и совместными усилиями раздавить ее. **Отдавая вам Кавказ, мы хотим открыть вам путь к Турану. Вы должны уничтожить препятствующий единению Турции элемент (армян – Л.Ш.), а затем захватить и Персию...**» [6, с.18].

Итак, в 1914г. посол Германии говорил о том, что двумя годами раньше предугадал великий армянский поэт Ованес Туманян: «...Армянский вопрос – одна из главных головных болей Турции, и со временем она будет усиливаться, пока турки будут вынуждены отступать в эти края». А европейские державы в согласии друг с другом выдавливали из Старого Света цивилизационно чуждый им элемент – средневекового янычара. Направляли его на Восток. На этом пути лежала Армения. А потому помощь христианской Европы библейской стране, «колыбели цивилизации» (Дэвид Ленг) – Армении – была умеренной.

Между тем жаждущий крови турок взял на вооружение соответствующую тактику и осуществил ее в три этапа:

1. **1876-1915 гг.:** локальная, но имеющая тенденцию к расширению и развертыванию политика депортации армян, их насильственной исламизации и резни;
2. **1915-1918 гг.:** всеобъемлющий процесс окончательного решения Армянского вопроса. Турки не преуспели в этом отчасти ввиду сопротивления оставшихся армян (испытанных во многих сражениях солдат и офицеров добровольческих полков; почти восьмимесячные бои армянских воинских частей от Ерзнка (Эрзинджана) до Сардарапата и Баку, прорыв «Армянским легионом» сирийско-палестинского фронта 19 сентября 1918г.), а отчасти в силу международной обстановки;
3. **1919-1923 гг.:** с одной стороны, кемалистская политика уничтожения греков, продолжения неоконченного арменоцида в Восточной Армении и Закавказье и захвата новых земель, с другой – отрицание вины и ответственности турецкого государства и нации.

Отныне, по замыслу геноцидального турецкого государства, «задача состояла в том, чтобы добиться примирения армян с фактической ситуацией. Нужно было принудить самих армян в обмен на признание их карликского государства (имеется в виду республика 1918г. – *Л.Ш.*) отказаться от своих территорий в пользу Турции. Почти полная дефляция (покорение) и аннексия могли таким образом представляться как цессия – добровольная уступка территорий, а геноцид армянского населения этих территорий – как достойные сожаления события прошлого» (Ю.Барсегов)[7, с. 215].

Тем не менее, геноцид породил вопрос об ответственности Турции и турок:

- уголовное наказание физических лиц, задумавших и осуществивших потрясшее мир преступление. Они понесли наказание лишь отчасти (операция «Немезида», армянский Нюрнберг, осуществлялась в условиях активного сопротивления советского правительства);
- политическая ответственность турецкого государства и создание Армении в соответствии с арбитражным решением Вудро Вильсона;
- материальная ответственность в виде реституции (восстановление прав армян, возвращение насильственно отнятого имущества и т.д.)¹.

¹ Подробнее см. [8].

Ясно, что дальнейшая борьба армян во многом будет обусловлена вторым и третьим пунктами. Это приведет к ликвидации последствий первого в мире геноцида – арменоцида¹ и раз и навсегда предотвратит повторение подобных преступлений.

Знаменательны звучащие как завет слова Вудро Вильсона: «Армения должна получить то, на что она имеет историческое право. Она имеет больше прав на жизнь, чем Турция... Рано или поздно Турция предстанет перед трибуналом и будет давать отчет, и тогда от нее потребуют возвращения награбленного своему истинному хозяину» [10, сс. 186-187].

Апрель, 2010г.

Источники и литература

1. *Dietz Ernst*, Сельджукское искусство (на немецком языке). Константинополь, 1948.
2. *Орманьян М.*, Армянская церковь. Константинополь, 1911.
3. *Саркисян Е.*, За кулисами: как рождался Московский договор 1921г., «Литературная Армения», 1991, N1.
4. Раздел Азиатской Турции по секретным документам бывшего Министерства иностранных дел. Под редакцией Е.А.Адамова. М., 1924.
5. *Язычян Г.*, Кровавый султан Абдул Гамид II. Бейрут, 1980.
6. *Рифат Мевлан заде*, Темные страницы османской революции и программы Иттихата по уничтожению армян. Ер., 1990.
7. Геноцид армян: ответственность Турции и обязательства мирового сообщества. Документы и комментарий. В 2-х т. М, 2005, т. 2, ч. 2.
8. *Барсегов Ю.Г.*, Геноцид армян – преступление по международному праву. М., 2000.
9. *Hocking Joseph*, The path of glory. London, New York, Toronto, 1918.
10. *Чалхушьян Г.*, Красная книга. Ростов-на-Дону. 2008.

¹Примечательно, что «по горячим следам» массовой резни цивилизованный мир начал говорить о геноциде армян и охарактеризовал эти события как «сжигание заживо» (*holocaust*), мерзкое, чудовищное «сжигание заживо» (*ghastly holocaust*). См. [9, р. 216, р. 240].

ARMENOCIDE: HISTORICAL PRECEDENT OF THE CLASH OF THE CIVILIZATIONS

Levon Shirinyan

Resume

The article features the Armenocide against the background of the clash of the civilizations. The reference is made to the assessments of the Armenian Genocide as a grave crime against “humanity and civilization”, as “Holocaust”. The essence of the Turkish (Ottoman, Kemalist) strategy of the Armenocide perpetration is revealed. The main landmarks of overcoming consequences of the Genocide are distinguished.

К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

*Геворг Ахвердян**

Одним из важнейших вопросов глобализационного контекста, привлекающих внимание научного мира, остается перспектива национальной идентичности¹. «Пространство опыта индивида больше не совпадает с национальным пространством», – полагает У.Бек [1, сс. 24-53, 38]. Немало работ было посвящено перспективе национальной идентичности, однако среди них не просматривается более или менее доминирующей линии, что вполне объяснимо по ряду причин. Во-первых, объективно трудно сделать прогнозы относительно перспективы национальной идентичности в общей неопределенности судьбы национального государства. Во-вторых, существует немало специалистов, весьма скептически настроенных на революционность глобализации и считающих утрату национальной идентичности одним из постулатов так называемой глобалистской мифологии, ставших закоренелыми стереотипами в массовом сознании. В-третьих, прогнозы не совпадают даже у тех, кто не сомневается в том, что национальная идентичность подвергается эволюции.

«Своим историческим успехом, – пишет Хабермас, – национальное государство обязано тому обстоятельству, что оно заменило распадавшиеся корпоративные узы раннего новоевропейского общества солидарной взаимосвязью между гражданами государства» [2, с. 211]. Теперь можно сказать, что эта «солидарная взаимосвязь», ставшая основой для формирования национальной идентичности под воздействием транснациональных уз глобального общества, ослабевает. Заметим, что в философии и психологии понятие «идентичности» довольно емкое, и в этом направлении написано немало интересных работ. Однако в рамках нашей тематики отсутствует необходимость в представлении отвлеченных конструкций *самости* и *Я-концепции*. Скажем только, что П.Рикер

* Аспирант кафедры мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета

¹ Имеется в виду идентичность именно на базе этнической общности, а не по принципу «согражданства».

отличает две стороны или два компонента идентичности: идентичность как *тождественность* (латинское: *idem*, английское: *sameness*) и идентичность как *самость* (латинское: *ipse*, английское: *selfhood*) [3, с. 145].

На проблематике национальной идентичности в свете глобализации сфокусировано внимание сразу трех дисциплин: социологии, культурологии и политологии. Относительно перспективы национальной идентичности перед нами обрисовываются контуры вероятного будущего в следующих четырех сценариях.

1. Самоидентификация на базе гражданства. Такой сценарий кажется вероятным с учетом размаха современных демократизационных процессов. «В языке юристов «гражданство», *«citoyennete»* или *«citizenship»*, – пишет Ю.Хабермас, – долгое время означало лишь подданство или национальность; лишь с недавнего времени это понятие расширяется и приобретает смысл гражданского статуса, который описывают через гражданские права» [4, с. 217]. Теперь это понятие обозначает не только членство в государстве, но и определенный правовой статус и юридическое содержание. В наши дни гражданство в первую очередь юридическое понятие, определяющееся как устойчивая и правовая связь между человеком и государством. Оно, можно сказать, полностью утратило свою изначальную этническую составляющую.

Международный пакт о гражданских и политических правах еще в 1966г. на международном уровне узаконил право каждого человека покидать любую страну, включая свою собственную (статья 12) [5, сс. 27-43]. Развитие коммуникационных технологий по геометрической прогрессии объективно повысило не только степень реализуемости данного права, но и собственно спрос на его реализацию. Нет никаких оснований прогнозировать в недалеком будущем отказ от общепланетарного демократизационного курса (за вычетом небольшого числа стран) и регресс в интеграционных процессах. Однако есть все основания предположить, что демографическое состояние подавляющего большинства стран склонно к быстрым изменениям и что эта склонность будет ускоряться. В таких условиях на базе института гражданства могла быть сформирована менее жесткая конструкция идентичности, которая успешно заменила бы национальную идентичность.

2. Активизация национального самосознания. Устойчивое развитие в условиях глобализации представляется чуть не неосуществимой задачей. Контрастность в распределении экономических благ становится главной характерной

чертой не только при сопоставлении регионов и государств, но и при рассмотрении состояния внутри обществ. Обострение проблем экологического и демографического характера воспринимается как результат бешеного темпа глобализации. Наконец процессы в сфере культуры и эмоционально-трагическое осознание утраты национальной идентичности замыкают круг основных посылок активизации национального самосознания. В этой связи интересным представляется наблюдение Э.Тодда на примере ряда мусульманских стран. Он приходит к выводу, что за переходом из состояния повсеместной неграмотности к общему уровню образованности, как правило, следует всплеск национализма [6]. С усилением глобализационных процессов мы четко наблюдаем рост националистических настроений. Такая ответная реакция на неумолимые тенденции современности выказывается в полной гармонии с парадигмой антиглобализма. Справедливости ради нужно подчеркнуть, что в антиглобалистском движении, как овеществленной форме антиглобалистского дискурса, процент участия по этнонациональным побуждениям крайне невелик. В этом направлении относительно преуспели международные неправительственные организации экологического толка. Да и в целом антиглобалистское движение представляет собой по большей части артикулированную оппозицию грядущим изменениям, нежели дееспособный упреждающий механизм, способный предотвратить их наступление. Что касается дискурса антиглобализма, то в отличие от парадигмы неолиберализма, он являет собой конгломерат размытых, несвязных и несконструированных идей.

Это ни в коем образе не означает, что вероятность возникновения националистических устремлений сводится к минимуму. Весь человеческий опыт показал, что регресс столько же (если не больше) свойствен ходу времени, сколько и развитие. Все прогнозы, даже самые авторитетные, по большому счету всего лишь гипотезы, а не проекции будущего. При таких обстоятельствах было бы весьма опрометчиво сбрасывать со счетов вероятность усиления национально-этнического фактора.

3. Усиление цивилизационного фактора. На фоне активных политических интеграционных процессов и формирования глобальной экономики большой интерес приобретает цивилизационный фактор. Весьма актуальным представляется вопрос: «В какой мере облик будущего миропорядка будет определяться межцивилизационными отношениями?» В связи с этим возникает ряд вопросов, без решения которых невозможно эффективно определить роль цивилизаций в складывающемся миропорядке. Во-первых, нужно разобраться в том, что берет

ся за основу для определения современных цивилизаций, во-вторых, попытаться установить перечень существующих цивилизаций, и, в-третьих, оценить реальные возможности каждой из них выступать в качестве нового геополитического игрока.

Мы не будем углубляться в этимологию термина «цивилизация», потому что для разностороннего представления сведений о его возникновении и изложения существующих формулировок понадобилось бы процитировать как минимум несколько десятков авторов, что могло бы стать рассредоточивающим абстрагированием в ущерб предмету настоящего анализа.

Понятие «цивилизация» развивалось в течение 350 лет после своего появления, приобретая все больше и больше смысловой нагрузки. У А.Тойнби, заслуги которого в изучении цивилизаций нельзя переоценить, мы находим следующие элементы цивилизационной идентичности: религия, история, язык, обычаи и культура [7]. С.Хантингтон ограничивается только религиозным принципом в определении цивилизаций. Он полагает, что важнейшие границы, разделяющие человечество, будут определяться культурой, и преобладающие источники конфликтов будут находиться в маргинальных зонах соприкосновения цивилизаций [8, с. 754]. Реакцией на это стала идея М.Хатами, который в 1998г. выдвинул альтернативное мировидение, где «столкновение» заменено «диалогом» и которое предполагает многополюсный и мультикультурный мир. Это стало темой широчайших дискуссий по всему миру. Тем не менее, и эта парадигма не отменяет значение цивилизационной идентичности. Ссылаясь на демографическую ситуацию в большинстве государств, И.Василенко пишет, что «многие страны сегодня находятся одновременно внутри одной цивилизации и сами состоят из множества цивилизаций» [9, с. 74].

Несмотря на активизацию интеграционных процессов в рамках отдельных цивилизационных ареалов, культурный фактор как источник самоидентификации все еще имеет слабое действие. Однако сегодняшние реалии дают достаточно оснований предположить, что противостояние по схеме «мы – они» может перейти на цивилизационный уровень.

4. Торжество космополитизма. Этот сценарий представляет, пожалуй, самый распространенный прогноз в научной литературе о грядущих переменах. Корни космополитизма берут начало с античной греческой философии времен Антисфена и Диогена, суть его заключается в его этимологии (греч. *kosmopolites* — гражданин мира). Идея «единства человеческого рода» заложена в фундаменте многих конфессий. Но эта универсалистская и крайне утопическая

ценностная установка служила некой целью, к которой должен был быть устремлен ход человеческого развития. Сегодня, однако, часто говорится о космополитизме как о возможных (незапланированных) последствиях определенных процессов современной эпохи. Пока нереалистичным представляется также кантианская идея мирового государства.

Приверженцы данного сценария исходят из реальных обстоятельств и тенденций современности. Ускорение интеграционных процессов и всеобщая демократизация, размах транснационализации и формирование глобальной экономики, технологизация и возникновение информационного измерения – все это, по их мнению, ведет к упадку национального и цивилизационного самосознания. Своеобразную модель будущего глобального общества представляет У.Бек. Под «космополитизацией» автор подразумевает «внутреннюю глобализацию», трансформирующую «содержание социального и политического внутри национальных государств» [1, с. 25]. Он не прогнозирует утраты национальной идентичности, но считает, что по аналогии с поствестфальским периодом, когда государство было отделено от церкви, нация в результате космополитизации будет отделена от государства.

Можно однозначно согласиться с П.Бергером в том, что изоляция от глобальной культуры обязательно требует изоляции и от глобальной экономики [10, с. 17]. Эпоха глобализации придала новую форму старой идее космополитизма, которая приобрела особую актуальность. Этот сценарий, сохраняя известную долю утопизма, на наш взгляд, является не менее реалистичным, чем три предыдущие.

В завершение, считаем необходимым в качестве важнейшего, на наш взгляд, вывода по заявленной проблематике привести нижеследующее умозаключение. Национальная идентичность под воздействием технико-технологического прогресса, формирования глобального информационного общества и демографических процессов вступает в поле конкуренции с идентичностями разного толка. При этом, мы считаем, уместно говорить о долгосрочном процессе ослабления национальной идентичности, который в краткосрочной перспективе может сопровождаться вспышками национализма.

Март, 2010г.

Источники и литература

1. *Бек У.*, Космополитическое общество и его враги // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. VI, №1, 2003.
2. *Хабермас Ю.*, Вовлечение другого. Очерки политической теории / Пер с нем. Медведева Ю.С., под ред. Складнева Д.В. СПб.: Наука. 2001 – 417с.
3. *Рикер П.*, Я – сам как другой / Пер. с франц. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008 – 416с.
4. *Хабермас Ю.*, Гражданство и национальная идентичность // Демократия, разум и нравственность. М.: 1995 – 247с.
5. Международный пакт о гражданских и политических правах от 19 декабря 1966г. // Права человека: Сборник международных документов. М.: 1998 – 608с.
6. *Тодд Э.*, После империи. Рах Americana – начало конца. М.: Международные отношения. 2004 – 240с.
7. *Тойнби А.*, Постижение истории. М.: Прогресс. 1991 – 736с.
8. *Хантингтон С.*, Столкновение цивилизаций?// *Василик М.А.*, Политология: хрестоматия. М.: Гардарики, 2000 – 843с.
9. *Василенко И.А.*, Политическая глобалистика. М.: Логос. 2000 – 360с.
10. *Бергер П.*, Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация / Под ред. П. Бергера и С.Хантингтона / Пер с англ. В.В.Сапова, под ред. М.М.Лебедевой. М.: Аспект Пресс. 2004 – 379с.

ON THE ISSUE OF NATIONAL IDENTITY'S PROSPECTS

Gevorg Hakhverdyan

Resume

The article deals with one of the key problems of modernity: national identity in the process of society transformation. The author represents general probable scenarios of national self-consciousness's fate formation.

ГРУЗИЯ: ИДЕНТИЧНОСТЬ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОГРАММАХ И ДЕЙСТВИИ

*Тамара Варданян**

Введение

Общественно-политические развития в Грузии в 20 и начале 21 вв. можно определить как процесс создания национального государства, который характерен для периода модернизации. Еще в 1918-1921 гг. принятый Грузией «Национальный проект» по сути своей являлся государствообразующим процессом, обретшим перманентный характер и не прекратившимся в годы существования Советской Грузии. А с 1991 г. этот процесс вступил в следующий, более активный этап своего развития и до сих пор остается в политической повестке дня. Причем он еще долго будет актуален для правящей элиты Грузии, независимо от того, на какой идеологической платформе она объединена.

Логикой отмеченных общественно-политических процессов обусловлено и постепенное изменение демографического образа страны, которое характеризуется нами как процесс моноэтнизации общества. А возможная моноэтнизация страны – явление, в результате которого в стране уменьшается количество «инородцев», что закономерно приводит к ослаблению их сопротивленческого потенциала. Ослабленные этнические общества оказываются неспособны противопоставить грузинскому националистическому проекту какой-либо контрпроект.

Еще в 1983 г. крупный теоретик по вопросам наций и национализма Э.Гелнер отмечал, что идеальной является такая модель общества, когда границы нации и государства совпадают [1]. По его словам, национализм – тот принцип, целью которого как раз и является уравнивание границ политических и национальных объединений. Эта модель рассматривается как эффективное

*Эксперт научно-образовательного фонда «Нораванк», кандидат исторических наук.

средство и при предотвращении и урегулировании этнических конфликтов.

Моноэтнический состав страны важен и в плане национальной безопасности. Несомненно, что, например, преимущественно моноэтнический демографический состав РА, непосредственно обусловленный утратой исторических армянских территорий, сегодня выступает важнейшим гарантом внутривнутриполитической безопасности. История и современные реалии также демонстрируют, что этнические или религиозные меньшинства зачастую позволяют внешним силам вмешиваться во внутривнутриполитические процессы страны, превращать меньшинства в рычаги влияния и, тем самым, фактически угрожать внутривнутриполитической стабильности и консолидации общества.

Прекрасно понимая все это, национальная элита Грузии стремится осуществлять политику интеграции этнических и религиозных меньшинств, которая зачастую вследствие своих крайних проявлений отождествляется с политикой ассимиляции, огрузинивания. Большую роль в идеологическом обосновании подобной политики играет грузинская националистическая интеллигенция. Грузинский национализм – обладающая богатыми традициями и историческими корнями целостная идеологическая система, сформировавшаяся еще в 1860-ые гг. Подпитываясь прошлым, националистическая интеллигенция одновременно широко использует принятые в современном мире механизмы ассимиляции.

Программа интегрирования/ассимиляции меньшинств в Грузии носит последовательный и систематизированный характер. Она включает в себя культурно-образовательные, религиозно-церковные сферы, а также аспекты взаимовосприятия и стереотипов, более того, она заложена в основу государственной/национальной идеологии и предстает в качестве «Национального проекта».

Несомненно, особая роль в этом процессе предназначена государственной административной машине, университетским центрам и академическому сообществу, которые должны научно обосновать логику, справедливость и необходимость этих процессов с точки зрения национальных интересов. То есть, в Грузии государственная административная машина обслуживает национальный проект. Сразу заметим, что это естественно и логично, так как одной из важнейших функций государства является обеспечение национального интереса, а административная машина – один из основных ресурсов государства.

Теоретически моноэтнизация любой страны происходит с использованием следующих основных механизмов:

- Постепенная эмиграция, которая в основном носит латентный (на первый взгляд скрытый, неявный) характер, вследствие чего не привлекает вни-

мания общества и СМИ. Для означенных кругов она может стать видимой только в крайних своих проявлениях, например, при широкомасштабных «этнических чистках», насильственных депортациях и т.д.

- Медленная ассимиляция, тоже являющаяся латентным процессом, незаметным невооруженному глазу и, следовательно, не привлекающим внимания широкой общественности и СМИ. Только в крайних своих проявлениях – скажем, насильственной смене вероисповедания, навязывании чужого языка, грубой имплементации обычаев, мышления и нравов титульной нации, – она может отразиться в СМИ и встретить осуждение прогрессивной части общества.
- Прямая потеря территорий, ранее населенных этническими или религиозными меньшинствами (этот процесс является преимущественно результатом войн или распада империй).
- Геноцид.

Для соседней с нами Грузии характерны в основном первые два механизма, к тому же не в крайних своих проявлениях, т.е. **постепенная эмиграция и медленная ассимиляция меньшинств**. Вообще эти два механизма наиболее часто встречаются в самых разных уголках мира. Поскольку эти процессы проходят медленно, они не оказываются в центре внимания, и общество «просыпается» только тогда, когда их результаты становятся очевидными. Другая их важная особенность заключается в том, что эти процессы зачастую протекают и в мирное время и могут осуществляться без насилия, мягкими и «цивилизованными» методами.

Есть еще одна очень важная особенность, характерная для этих двух механизмов: эмиграция и ассимиляция этнических или религиозных меньшинств не вызывает серьезного противодействия или недовольства в цивилизованном мире. Эти процессы зачастую рассматриваются как естественный процесс развития. Так, эмиграция зачастую воспринимается и интерпретируется как результат миграционных процессов, а ассимиляция – как неизбежное следствие глобализации и интеграции.

«Национальный проект» Грузии

Теоретики вопросов нации и национализма выделяют два основных типа национализма: этический и гражданский (государственный). Одновременно, согласно известному теоретику национализма Гансу Кону, существуют две основные модели наций и национализма: западная (французская) и восточная (немецкая) [2]. Западной модели в основном соответствует гражданский тип идентичности и

национализма, а восточной – этнической идентичности и национализма на этнической основе.

В современном глобализирующемся мире этнический национализм обычно осуждается, а гражданский считается демократическим и, следовательно, приемлемым.

Тем не менее, грузинский национализм носит преимущественно этнический характер и, как справедливо отмечает известный грузинский исследователь Г.Нодиа, он больше схож с немецкой моделью [3]. Другой исследователь грузинского национализма, Г.Зедания, соглашаясь, что грузинский национализм носит этнический характер, пытается объяснить это особенностями его возникновения. «Когда в 19 веке формировался грузинский национализм, грузины находились под игом чужой, Российской империи, следовательно, для грузин нация и государство не могут отождествляться, что является необходимым предусловием для формирования гражданского национализма. Именно поэтому грузинский национализм носит преимущественно этнический характер, основанный на языке, этничности и религии», – пишет Г.Джедания [4, р. 80]. Затем автор отмечает, что этот подход сохранился до сих пор.

Грузинский этнический национализм основан на доминировании грузинского языка, Грузинской Православной церкви, внедрении и приятии посредством общеобразовательных программ принятой трактовки истории Грузии, концепции доминирования и развития грузинского этноса на его Родине и других факторах.

А модель гражданского национализма теоретически предполагает уравнение прав всех проживающих в стране наций, обеспечение их вовлеченности в социально-политическую жизнь страны, создание этнокультурного разнообразия, иными словами – созидание новой идентичности по принципу гражданства (эта политика в теоретической литературе называется *ethnicity-blind*, т.е. политика, слепая в отношении этничности).

Тем не менее, на практике гражданский (или государственный) национализм зачастую служит не столько формированию новой идентичности, сколько диктату обладающей некими преимуществами или титульной нации в отношении этнических или религиозных меньшинств. Близкую к этой точке зрения позицию выражает и грузинский исследователь Г.Зедания, когда пишет: «Описываемый под термином “гражданский национализм” феномен не что иное, как лояльность к государству или патриотизм» [4, р. 79].

Недавно представленные грузинским исследователем Г.Нодиа положения «Национального проекта» Грузии, согласно автору, в целом отражают тот путь, на который Грузия вступила с 1918г. Здесь в четвертом пункте отмечается:

«Грузия толерантная страна и признает культурное многообразие на своей территории, но требует их лояльности по отношению к “Национальному проекту”» [3, р. 94]. А в первом пункте того же «Национального проекта» читаем: «Единственной приемлемой политической структурой для развития грузинской нации является грузинское национальное государство» [3]. Здесь явное противоречие. Если «Национальный проект» предусматривает создание национального государства, которое в своей классической модели предполагает утверждение доминирования грузинского этноса, то совершенно не ясно, как признается культурное разнообразие меньшинств, как определяются место и роль этнорелигиозных меньшинств внутри общества. Фактически, можно предположить, что от меньшинств требуется только лояльность к «Национальному проекту».

Если говорится о толерантности, то роль меньшинств в развитии и процветании страны должна подчеркиваться и представляться на примере конкретных фактов. В любой стране важнейшими показателями степени толерантности являются школьные курсы истории. Если общество многонационально, то сегодня в цивилизованном мире принято применять в школьных учебниках принцип мультикультурализма (*Multiculturalism*). **Согласно этому принципу, в школьные курсы истории наряду с официальной историей должны входить важные события из истории этнических меньшинств, ряд фактов об их вкладе в процветание страны и формирование государственности, общие сведения об их культуре и т.д. Между тем грузинские учебники по истории жестко этноцентричны, они не отражают демографического образа страны¹. Эти учебники представляют не столько историю Грузии, сколько историю грузин, а меньшинства полностью вытеснены из контекста.**

Почему мы придает важность именно проблеме учебников истории? Дело в том, что чувство общей истории и прошлого – объединяющий фактор для разных сегментов этноса и один из важнейших компонентов этнической идентичности. А лишение этнических меньшинств их собственной истории и подменяющая ее имплементация истории другого этноса, в данном случае грузин, не что иное, как механизм ассимиляции – огрузинивания.

Де-факто грузинская реальность такова, что **риторика руководства о толерантности не соответствует его же политике.**

То есть, используется риторика гражданского национализма, а на практике царит этнический национализм.

Таким образом, ассимиляция и эмиграция этнических или религиозных меньшинств возможны при параллельном использовании двух моделей нацио-

¹ Краткий обзор школьных учебников по истории Грузии см. в [5].

нализма (этнического и гражданского). При М.Саакашвили Грузия на пути формирования национального государства пытается максимально использовать и этнический, и гражданский (государственный) национализм, что несколько отличает нынешнего президента от его предшественников.

Примеры ассимиляционной политики с акцентами гражданского национализма многочисленны. Так, в советские годы процесс создания «советского человека» в действительности способствовал не столько формированию «новой идентичности», сколько постепенной русификации индивида, что на уровне союзных республик проявлялось в основном в русификации элит, а также изменении демографического состава республик в пользу русских. Аналогичные по сути процессы проходят и в Турции и, в той или иной степени, во всех странах, будь то так называемые современные демократии или государства, еще не вставшие на путь модернизации.

Не только благодаря школьным учебникам истории, но и из-за множества других проблем в Грузии обе модели национализма (этническая и гражданская) служат одной цели – сформировать национальное грузинское государство путем ассимиляции или вытеснения этнических или религиозных меньшинств.

***Триада грузинского национализма:
родина, язык, религия***

Родина

Процесс огрузинивания этнических и религиозных меньшинств на протяжении десятилетий не достиг бы существенного успеха, если бы не обладал емкой, целостной, систематизированной идеологической основой. Кроме того, указанная идеологическая основа, как правило, дает ощутимые результаты только тогда, когда она принимается государственной системой, поскольку в этом случае на службу отмеченной задачи ставится и вся административная и пропагандистская машина. Г.Нодиа совершенно уместно упоминает, что «с 1860-х гг. И.Чавчавадзе предложил триаду, которая в дальнейшем получила статус формулы создания грузинской нации: Родина, язык: религия (*matuli, epa, sartsmpnoeba*)». На страницах публикуемой в Тбилиси газеты «Иверия» И.Чавчавадзе последовательно выражал и развивал свои идейные взгляды.

А уже в начале 20в. грузинский национализм обрел вид политической программы. Была сформирована задача построения национального государства. Она отразилась в виде лозунга «Грузия для грузин» как проекта создания национального государства.

Известно, что в начале 20в. этнический состав Закавказья и расселение

народов было чрезвычайно пестрым. Министр просвещения Российской империи граф И.И.Толстой пишет о ситуации в Закавказье в своих воспоминаниях: «Нет такой территории, где было бы спокойно. Никто не может четко сказать: грузинский ли город Тифлис или армянский?.. Или же, согласятся ли армяне признать Бакинскую губернию татарской страной?» [5, с. 122].

В нашем регионе процессы территориальной централизации достигли большого размаха особенно в конце 19 – начале 20вв. Среди проживающих на территории Российской империи этнических меньшинств формируются политические программы по созданию однородных административно-политических единиц. В дальнейшем они должны были послужить территориальной основой для создания национальных государств.

Так, еще с 1 мая 1903г. в Париже на двух языках (грузинском и французском) стал издаваться политический вестник «Сакартвело» (Грузия). Целью вестника было пробуждение национального и гражданского сознания в грузинском народе, тем самым подготавливая почву для суверенитета Грузии [6]. Затем в 1904г. была сформирована грузинская националистическая партия социал-федералистов. Г.Галоян отмечает, что «ядром этой организации стал вышеупомянутый вестник “Сакартвело” – орган зарубежной группы грузинских национал-федералистов» [7, с. 451]. Руководителем националистической организации «Сакартвело» был А.Джорджадзе. В качестве выразителя основной политической цели организация выбрала лозунг **«Грузия для грузин»**.

Основным программным требованием грузинской партии социал-федералистов было «создание грузинской автономии в границах Российского буржуазно-феодалного государства» [8, с. 20]. То есть, для создания национального государства грузинским националистам необходимо было этнически гомогенное пространство. Автономия должна была послужить территориальной основой для создания подобной административно-политической единицы. Фактически, в грузинской действительности идея территориальной централизации уже в начале 20в. выступала как программа политической повестки (*кстати, аналогичные процессы происходили среди восточного армянства, хотя в армянской действительности главной целью политической борьбы продолжала оставаться Западная Армения, а среди кавказских татар этот процесс наиболее активизировался в ходе армяно-татарских столкновений 1905-1906гг.*)¹. Отмеченные федералистами территории, которые должны были войти в состав автономной Грузии, с этнической точки зрения не были однородными. Здесь

¹ Подробнее об этом см. [9].

проживало достаточно много армян, русских, татар, черкесов, горных лезгин и т.д., которые в условиях грузинской автономии неизбежно оказались бы в роли национальных меньшинств.

В местной тбилисской печати идея создания этнически однородной территории также вызвала широкий резонанс. Издаваемая в Тбилиси газета «Ахали Дроеба» также была сторонницей незамедлительного создания этнически однородной административно-политической единицы. Представим позицию редакции этой газеты по национальному вопросу: «Мы сторонники того высокого национализма, который не желает другим нациям того, чего не пожелал бы себе, и поэтому никто не осмелится назвать нас “шовинистами”. Мы сторонники полной автономии нации, так как там, где говорят на 100 языках, невозможно понять нужды и требования отдельного гражданина, следовательно, **невозможна также совместная политическая жизнь**» (выделено нами. – *Т.В.*) [10].

Проект по моноэтнизации Грузии продолжался и в советские годы, ярким доказательством чему служат демографические изменения в республике (см. ниже). Один из современных исследователей грузинской идентичности профессор Мари Чхартшвили, выделяя роль армян в создании грузинской идентичности, отмечает: «В советские годы напряженность между армянской и грузинской идентичностями сохранилась. Продолжилась маргинализация армян, лица с армянскими фамилиями не могли занимать должностей в Советской Грузии. Но когда армяне меняли окончания своих фамилий на грузинские, им давали более высокие должности, чем грузинам» [11, р. 124]. Примечательно, что автор этих строк определяет эти реалии как результат советской политики, но не грузинский националистический проект.

В последний период распада Советского Союза и в постсоветские годы политика по моноэтнизации Грузии стала нескрываемым явлением. Еще в годы перестройки, в 1989г. в июньском номере газеты «Ахалгазда комунсти» («Молодой коммунист») было опубликовано письмо Р.Мишвеладзе, где прямо говорится следующее: «Грузия стоит на грани реальной катастрофы – уничтожения... Мы всячески должны стараться, чтобы увеличился процентный состав грузин в Грузии (ныне составляющий 65%). Грузия может потерять не более 5% гостей... Мы должны убедить их в том, что для подозрительно размножающейся чужой нации на земле Давида Строителя нет условий»¹.

Ту же идеологию впоследствии проводил президент Грузии, ультра-националист З.Гамсахурдиа (был избран президентом Грузии в 1991-1992гг.), в

¹ См. <http://www.otechestvo.org.ua/main/20071/520.htm>

годы правления которого грузинскому армянству угрожало не только постепенное огрузинивание, но и перспектива физической расправы. Возглавляемые Дж.Иоселиани неформальные вооруженные группировки под названием «Мхедриони» (всадники) наводили страх и трепет на мирное население, в том числе среди меньшинств (несмотря на случаи прямой конфронтации между З.Гамсахурдиа и Дж.Иоселиани). В эти годы даже в армянском квартале Авлабар местные армяне принимали меры по самозащите и самоорганизации для защиты от возможных разбойничьих нападений.

Политика нынешнего президента Грузии М.Саакашвили также способствует созданию национального грузинского государства, хотя последний использует современную риторику. Например, он часто отмечает, что Грузия – многонациональная страна и что процветание и развитие Грузии возможны на основе равенства представителей всех проживающих здесь национальностей. На улицах Тбилиси можно увидеть множество плакатов подобного содержания. Вместе с тем, ровно через год после прихода к власти, он объявил 2004-ый год поминования З.Гамсахурдиа, тем самым обозначив преемственность гамсахурдиевской модели создания государственности и свою верность этой модели.

Об этой преемственности говорит также Г.Нодиа. Упоминая пункты «Национального проекта», он пишет: «Несмотря на многочисленные отличия между 1918-1921гг. и постсоветскими годами, а также важные различия между политическими режимами З.Гамсахурдиа, Э.Шеварнадзе и М.Саакашвили, вышеупомянутые пункты остаются неизменными вехами грузинского Национального проекта» [3, р. 95]. Проблема еще и в том, что программа создания национального государства в Грузии вовсе не противоречит программам преследующих собственные интересы в регионе крупных западных акторов, которые не видят какой-либо угрозы в грузинском национализме и поощряют его, поскольку он замешан преимущественно на русофобии.

Например, в одном из докладов, представленных гражданскими общественными организациями в Совет Европы, говорится: «В Грузии есть следующие основные препятствия, приводящие к маргинализации и изоляции общин меньшинств:

- отсутствие комплексного политического подхода к проблемам меньшинств в Грузии и, как следствие, отсутствие правового поля, обеспечивающего вовлеченность и гражданскую интеграцию меньшинств;
- недостаточная политическая представленность меньшинств на национальном и местном уровнях;

- недостаточный уровень знаний и навыков избранных в органы местного самоуправления представителей меньшинств, которые необходимы для осуществления созвучной нуждам общины деятельности;
- недостаточный уровень знания правовых вопросов и культуры политического участия среди представителей меньшинств;
- информационный вакуум в местах компактного проживания меньшинств и низкий уровень интереса к их проблемам, что приводит к изоляции меньшинств от общества;
- односторонняя языковая политика, приводящая к незнанию меньшинствами государственного языка, изоляции и проблемам с трудоустройством» [12].

Хотя эти препоны известны Западу, но западные демократические институты не оказывают и не будут оказывать какого-либо давления на власти Грузии в вопросе улучшения положения меньшинств, пока Грузия будет сохранять антироссийский вектор в своей внешней политике. В результате сложившейся ситуации продолжается маргинализация и изоляция меньшинств. Хотя даже в этих условиях грузинским исследователям удастся сваливать вину на армян, которые якобы не интегрируются в грузинское общество, так как обладают опытом общинного (диаспорального) проживания¹.

Сегодня многие грузинские исследователи считают правление М.Саакашвили периодом демократизации страны и построения гражданского общества. Сравнивая националистические проекты З.Гамсахурдиа и М.Саакашвили, грузинский исследователь Д.Апрасидзе отмечает, что национализм З.Гамсахурдиа был преимущественно этноцентричным, а М.Саакашвили – прогосударственным (гражданским) [13, р. 72]. В действительности, разница между ними лежит лишь в риторической плоскости, а на практике результат один – постепенная моноэтнизация страны и формирование на этой основе национального государства.

Тем не менее, в результате использования разной риторики можно заметить и некоторые отличия: например, явный и «жесткий» национализм З.Гамсахурдиа преимущественно принуждал меньшинства к эмиграции, а сегодня, благодаря «мягкой риторике» гражданственных акцентов национализма М.Саакашвили, среди этнических меньшинств превалирует постепенная ассимиляция.

¹ См. [11, р. 125].

Язык

Вторым важнейшим столпом и оружием триады грузинского этнического национализма является **грузинский язык**. Многие исследователи процессов *nation-building* (О.Бауэр, Ю.Бромлей, Ю.Арутюнов, Л.Абрамян и др.) отмечают, что язык является первичным, видимым показателем идентичности и играет большую роль в процессе этногенеза. Современные западные исследователи также отмечают, что в национальном сознании грузин очень развита **форма языковой ориентации**. Приезжающих в Грузию сразу поражает «центральная значимость грузинского языка, его использование как в быту, так и в культурном контексте» [14, р.168].

Таким образом, грузинский язык – то мощное средство, которое, распространяясь среди этнических и религиозных меньшинств, ускоряет трансформацию идентичности последних в сторону огрузинивания – процесс, итогом которого является окончательная ассимиляция с грузинским обществом. Как отмечает этнограф Л.Абрамян, «языковая политика и Советской Грузии, и независимой Грузии является отражением всех тех политических проблем, которые были в прошлом и которые есть и сегодня вследствие присутствия этнических меньшинств в Грузии» [15, р. 72].

Грузинский язык как ключевой компонент грузинской идентичности особо выделялся в 19в. и в советские годы, он был даже значимее, чем религиозная идентичность. Причина этого в том, что, в условиях пребывания в составе Российской империи, религия не могла иметь для грузинской национальной идеи дифференцирующего значения, а скорее объединяла русских и грузин. Поэтому акцент ставился на идеи языка и родины. Кроме того, когда Грузия отошла к России, грузинский язык перестал использоваться в литургиях, а грузинская церковь с 1811г. лишилась самостоятельности. Поэтому грузинский язык стал языком светской литературы и смог превратиться в источник, питающий национализм. Грузинская Православная церковь не смогла выполнить функцию дифференцирующего компонента и в советские годы. Только в наши дни она обрела значительную мощь и усиливается день ото дня.

Таким образом, важнейшим для грузинского национализма компонентом, постоянно отличающим грузин от остальных, выступает грузинский язык. Поэтому, когда в 1978г., когда Москва хотела лишить грузинский статуса официального языка в Советской Грузии (а армянский – в Советской Армении), националистическая интеллигенция Грузии оказала серьезное сопротивление, благодаря чему эта попытка провалилась.

Если мы рассмотрим джавахкские развития с точки зрения чрезвычайной значимости грузинского языка для грузинской идентичности, то станет ясно,

почему вопрос статуса армянского языка в Джавахке вызывает серьезное противодействие в грузинских правительственных, общественных и научных кругах. Здесь факт невладения грузинским со стороны джавахацкого армянства вызывает глубокую антипатию. То есть, это обстоятельство является серьезным предупреждением для грузинского руководства о том, что политика по ассимиляции джавахацкого армянства может оказаться безуспешной. Г.Хаиндрова в одном интервью отметил: «Скажу более того, дружеским шагом стало бы то, если бы армяне подумали, скажем, о разрешении в Джавахке проблемы грузинского языка, так как по поводу армянского языка там какой-либо проблемы нет. Наоборот, на самом деле, армянский там – единственный язык, на котором они говорят» [16].

Вообще, языковая политика в отношении меньшинств выступает важнейшим звеном для межгосударственных отношений между принимающим государством и Отчизной меньшинства, так как там понимают последствия утраты родного языка. Одним из простых примеров этого является существующее на высшем германо-турецком уровне противоречие, связанное с требованием Турции изучать турецкий язык среди живущих в Германии мигрантов-турок¹. Но джавахацкие армяне не мигранты, а живут на части своей исторической Родины, следовательно, обладают определенными преимуществами в сфере применения языковых прав.

Так, за счет внедрения грузинского в Кахетии огрузинились тысячи армян. Действующие в армянских селах армянские школы постепенно превращались в грузинские, спустя два-три десятилетия часть местного армянства полностью **огрузинилась**.

Кстати, та же политика сегодня проводится в школах Тбилиси, где наряду с армянскими классами открылись грузинские сектора. За последние несколько лет армянские ученики постепенно переходят в грузинские сектора, где уровень преподавания грузинского языка выше и, следовательно, предпочтительнее для являющихся гражданами Грузии армян. В результате, существование армянских секторов лишается перспективы.

С другой стороны, действует целая система неписаных законов. Например, как часто можно слышать от проживающих в Грузии, в частности в Тбилиси, армян, «на улице стыдно говорить по-армянски». Одновременно отсутствует общественная норма, согласно которой «для армянина еще более стыдно не знать армянского языка».

¹ См., в частности, [17].

Религия

Другим важным столпом грузинской националистической триады является **Грузинское православие**. В проходящих в годы независимости Грузии процессах национальной консолидации религия выступала в качестве катализатора. Здесь развивались явные процессы по созданию модели «Одна нация, одна религия». Как пишет М.Джавахишвили, «с 90-х годов XX века между понятиями “православный” и “грузин” был поставлен знак равенства. Вся Грузия должна быть единой страной – все грузины должны быть православными» [18, с. 116]. Между тем сегодня другие религиозные меньшинства в Грузии не имеют правового статуса. В Грузии довольно высоким авторитетом пользуется Грузинская Православная церковь и ее глава. Так, когда в 2003г. планировалось подписание соглашения между Грузией и Ватиканом, процесс был немедленно пресечен Грузинской Православной церковью. Грузинский Патриарх заявил, что «этот факт может быть использован другими конфессиями как возможность утвердиться в Грузии, что создаст новую и не менее серьезную проблему для нашего государства»¹. Тот же М.Джавахишвили отмечает, что католиков в Грузии называют «сектантами», «еретиками», «чужаками». Православные проповедники зачастую и армян называют «еретиками» или «сатанистами» ввиду отсутствия элементарных знаний о монофизитстве армян [19, с. 112].

Есть множество фактов того, как служителями Грузинской Православной церкви среди армян проводится работа по ловле душ. Так, в армянонасленном квартале Тбилиси Авлабаре в период правления М.Саакашвили была построена большая и роскошная грузинская церковь под названием Самеба. Сегодня населяющие Авлабар армяне посещают именно эту церковь. Приведем одно из прозвучавших там мнений, согласно которому грузинская сторона пытается добиться прозелитизма в первую очередь богатых и известных армян.

Аналогичная деятельность осуществляется и в Джавахке. Так, в села Пока Ниноцминдского района грузин не было. Но грузины приобрели 5 домов в деревне, где жили грузинские монахини и монахи – обитатели покинской церкви Св. Нино. В одном из интервью настоятельница Елизавета отметила, что ей удалось крестить по православному обряду целую армянскую семью, поскольку, как отмечает она сама, крестьящиеся поняли, что православная вера более истинна². В дальнейшем, согласно данным С.Карапетяна, в 2003г. в грузинской православной церкви удалось повторно окрестить многих армян-покинцев, причем местные армяне якобы сами обращались с просьбой о повторном кре-

¹ <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1063998660>

² См., в частности, *Меликишвили Нино*, Резонанс, N161, 21.06.2001г., перевод В.Саркисян.

щении в купели грузинской церкви, так как поняли «преимущество православной церкви» [20, § 515].

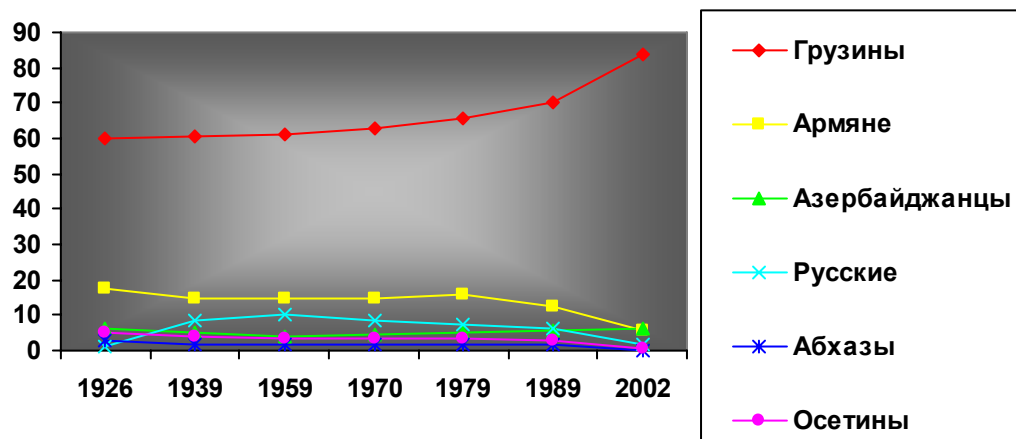
Грузинская епархия Армянской Апостольской церкви действительно должна проводить серьезную работу против ловли душ. В последнее время благодаря непосредственным усилиям местной Армянской епархии были изданы церковные календари, брошюры, которые позволят грузинским армянам праздновать церковные праздники по календарю Армянской Апостольской церкви. Однако пока грузинское армянство не вполне представляет все возможные последствия ассимиляции при помощи религии и в большинстве своем еще пребывает в сфере духовного миссионерства Грузинской Православной церкви.

Моноэтнизация Грузии в цифрах: демография¹

Теперь на основании официальных демографических данных Грузии представим процесс моноэтнизации этой страны уже в цифрах. Эти процессы главным образом обусловлены продекларированной государственной идеологией, этномобилизационным потенциалом титульной нации, а также некоторой логикой внутриобщинных развитий у этнических или религиозных меньшинств.

На *Графике 1* представлена динамика моноэтнизации страны.

График 1
Динамика демографического состава Грузии (1926-2002гг.)²

¹ Мы опираемся на официальные статистические данные, одновременно учитывая, что подчас человек другой этнической группы может в официальных анкетах преднамеренно представляться грузином, хотя его непосредственному окружению будет известно его настоящее этническое происхождение, и иногда, уже в зависимости от ситуации, он еще долгое время одновременно будет продолжать идентифицировать себя по своему этническому происхождению. Сама эта ситуация свидетельствует о его постепенной ассимиляции (огрузинивании).

² Отметим, что данные 2002г. представлены без Абхазии и Южной Осетии, <http://www.geostat.ge/>.

Армяне Грузии

На вышеприведенном графике ясно видно огрузинивание страны и общества, т.е. продолжающийся рост численности грузин, с одной стороны, и постепенное снижение численности этнических и религиозных меньшинств – с другой. Так, если по данным официальной переписи 1926г. грузины составляли 59.9%, то в 2002г. их численность достигла 83.3%. И наоборот, если в 1926г., например, армяне составляли 17.6% населения Грузии, то уже в 2002г. их численность сократилась до 5.7%. То есть, наряду с огрузиниванием можно зафиксировать также очевидный процесс исхода армян (см. Таблицу 1, представляющую процесс исхода армян из Тифлиса, и тот же процесс, представленный в виде Графика 2).

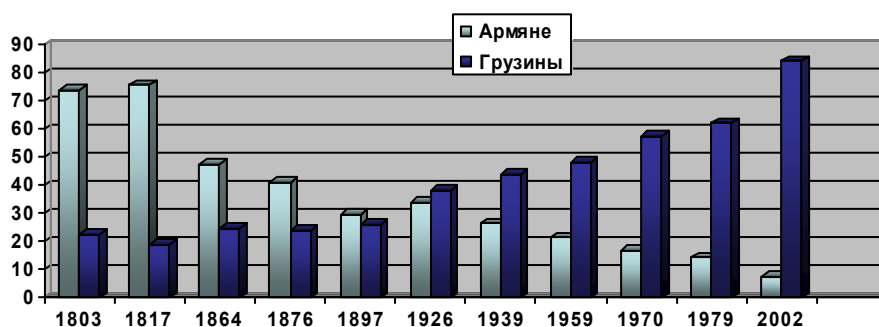
Таблица 1

Численность грузин и армян в Тбилиси в 1803-2002гг. (в %) ¹

	1803	1817	1864	1876	1897	1926	1939	1959	1970	1979	2002
Армяне	74%	75,6%	47,4%	41%	29,5%	34,1%	26,4%	21,5 %	16,9 %	14,5 %	7,6 %
Грузины	22,6%	18,9%	24,9%	24,1%	26,3%	38,1%	44%	48,4 %	57,5 %	62,1 %	84,2 %

График 2

Численность грузин и армян в Тбилиси в 1803-2002гг. (%)²

Численность Армян в Грузии сокращается в результате **как постепенной ассимиляции, так и медленного исхода**. Так, по данным переписи 2002г., часть армян, проживающих в Грузии (общее число которых 248.929 человек), не счи-

¹ См. <http://www.ethno-kavkaz.narod.ru/rngeorgia.html>.

² Там же.

тает армянский язык своим родным языком: 5692 человека считают своим родным языком грузинский, а 7525 человек – русский¹. Фактически, сегодня обе эти группы открыто отдаляются от Армянства и встали на путь ассимиляции (в случае грузиноязычных) или, в основном, эмиграции (в случае русскоязычных). Эти группы фактически больше не сопротивляются ассимиляции, не прилагают каких-либо усилий для сохранения армянской идентичности и сознательно отдаляются от своих национальных корней².

Помимо открыто отдаляющихся от Армянства групп, есть много армян, в частности, в Тбилиси, которые считают своим родным языком армянский, однако, даже общаясь с соотечественниками, широко применяют русский и грузинский языки. Процесс ассимиляции этой группы, хоть и может быть медленным, тем не менее, с течением времени станет неизбежным, если не будут предприняты соответствующие меры.

Примечательно, что по своей численности среди эмигрирующих этнических меньшинств армяне находятся на первом месте. Так, в 1990-1996гг. из Грузии мигрировали 230.000 армян, 200.000 русских, 170.000 азербайджанцев, 75.000 осетин, 75.000 греков и 85.000 представителей других этнических групп³. В общей сложности в эти годы из страны мигрировали также 550.000 грузин, что составляло 39.7% мигрантов из Грузии. В те же годы из страны мигрировало 60.3% представителей этнических или религиозных меньшинств.

Таким образом, когда обсуждается миграция 1990-х годов, грузинская сторона отмечает, что грузины также встали на путь миграции, причиной чему были сложившиеся в стране тяжелые социально-экономические условия и военное положение. Однако вопрос в том, что удельный вес миграции, зафиксированной среди этнических меньшинств, был намного больше, и, следовательно, причины не могли быть обусловлены только вышеупомянутыми факторами. Важными и дополнительными факторами стимулирования миграции этнических меньшинств были господствующие в стране шовинистические настроения и этноцентристская среда.

Кроме того, следует отметить, что в результате эмиграции этнических меньшинств внутри отмеченных общин произошел не только количественный, но и значительный качественный спад. Известно, что мигрировали социально активные массы людей, что привело к общему качественному спаду во всей Грузии (те же процессы происходили также в РА и других постсоветских республиках). Но, например, в случае армян социальная ниша, занимаемая мигри-

¹ www.ecmi.de/emap/download/Samtskhe_Statistics.pdf

² Для сравнения отметим, что число азербайджанцев, считающих своим родным языком грузинский или русский, несравнимо меньше (934 и 385 человек соответственно), см. там же.

³ www.ecmi.de/emap/download/Samtskhe_Statistics.pdf

ровавшей из страны социально активной массой, не была занята новыми людьми, поскольку в сложившейся этноцентристской среде социальный и личностный рост армян столкнулся с множеством препятствий, и в результате община осталась без элиты.

Что касается грузин, то на смену старой социальной элите пришла новая. В действительности эта трансформация была также качественным спадом и для грузин, однако **в случае с грузинами национальный облик и состав не только сохранился, но и усилился за счет меньшинств**. Следовательно, необъективны точки зрения экспертов о том, будто в Грузии из-за миграции в равной степени пострадали представители всех этнических и религиозных общин и что причины миграции были исключительно социально-экономическими¹.

Другие этнические или религиозные меньшинства

Следует отметить, что рост численности этнических грузин является результатом не высоких показателей рождаемости и естественного прироста, а, в основном, ассимиляции этнических обществ, быстрого огрузинивания субэтнических групп (мегрелы, сваны, имеретинцы, гурийцы и пр.).

Например, по данным переписи, проведенной на территории Российской империи еще в начале 20-го века², а также в других источниках, встречаем такой термин, как «картвелские народы, в том числе грузины». Б.Ишханян в своих ценных трудах использует два термина – «грузины в широком смысле» и «грузины в узком смысле». Понятие «грузины в широком смысле» означало, что в эту группу, помимо чисто грузин, были включены сваны, имеретинцы, мегрелы. В дальнейшем грузины начали считать эти группы субэтническими группами грузинского этноса и включили их в грузинскую нацию. Если проследить за статистикой, то можно увидеть, что в случае включения этих субэтнических групп удельный вес грузин в общей численности населения всего Кавказа увеличивается примерно на 50%. Например, в труде Б.Ишханяна представлена численность группы «грузин в узком смысле» в отношении всего населения Кавказа: она составляет 9.29%, а численность группы «грузин в широком смысле» – 14.87%, т.е. почти на 50% больше [22, т.2 148].

Использование двух разных терминов само по себе означает, что еще в начале 20-го века в отношении мегрелов, сванов и имеретин был дифференцированный подход: их либо причисляли к грузинам, либо отделяли от них. Этот

¹ Подобные точки зрения часто озвучиваются политическими деятелями, а также распространены в кругу экспертов, см, например, [21].

² Распределение населения Закавказского края по вероисповеданиям и родному языку по данным переписи 1897-года. Кавказский Календарь на 1907 год, Тифлис, 1906, сс. 108-124.

факт говорит о наличии у этих групп еще в начале 20-го века этнического самосознания, отличного от грузинского. А сегодня грузинское самосознание у этих групп стало обычным явлением. Например, среди мегрелов грузинский этнический национализм подчас может проявиться ярче, чем у самих грузин. Причина, наверное, в высокой степени вовлеченности мегрелов в правящую элиту Грузии и то, что исконные грузины не обособляют мегрелов, считая их субэтническим сообществом, а их разговорный язык, не имеющий письменной формы, а выступая только в разговорно-бытовой функции, грузины считают одним из диалектов грузинского.

Фактически, в случае всех этнических или религиозных меньшинств заметны одни и те же тенденции – демографический спад (см. *График 1*).

Несмотря на то, что в советские годы у абхазов и осетин были свои автономии в составе Грузии, тем не менее, эти две этнические группы также не избежали демографического спада. Так, в 1926г. абхазы составляли 2.6% населения Грузии, в 1989г. (т.е. до грузино-абхазской войны) – 1.8%, а численность осетин за отмеченный отрезок времени сократилась от 5.3% до 3.0%.

Грузинский исследователь Д.Апрасидзе отмечает, что распространенный в Советской Грузии этнический национализм не включил только два района – Абхазию и Южную Осетию [23, р. 72]. Развивая эту мысль и переформулировав задачу, отметим, что, пожалуй, именно поэтому грузинам не удалось в те годы довести до завершения процесс огрузинивания абхазов и осетин. Как следствие подобной политики, после распада СССР на территории Грузии зародились грузино-абхазский и грузино-осетинский конфликты. Т.е., несмотря на происходящие во всей Грузии процессы огрузинивания, абхазам и осетинам тем не менее удалось сохранить этническое самосознание. Д.Апрасидзе справедливо отмечает, что этим двум этническим группам удалось представить направленный на противостояние грузинскому националистическому проекту собственный националистический контрпроект (*counter-project*) [23, р. 72]. Безусловно, этот факт указывает на высокое этническое самосознание абхазов и осетин.

Профессор университета Джона Хопкинса, доктор Азербайджанской национальной академии С.Корнелл отмечал, что на постсоветском пространстве, в частности, на Южном Кавказе, одним из важных факторов, стимулирующих этнические конфликты, было существование автономий, т.е. Южной Осетии, Абхазии и Нагорно-Карабахской Автономной Области [24, pp. 245-276]. В действительности же, наличие автономий само по себе не могло быть причиной и катализатором конфликтов. Наоборот, существование автономий давало хоть какую-то возможность этническим группам сохранить свой национальный облик. Причиной этнических конфликтов были не автономии как таковые, а их

насильственное присоединение к Грузинской и Азербайджанской советским республикам и положенная в основу национальной политики властей этих республик философия, весьма далекая от декларируемых принципов.

Для советского периода исключение составляли русские, численность которых после советизации Грузии начала расти (от 1.2% до 10.1% уже в 1959г.) и столь же быстрыми темпами сокращаться в постсоветский период, уменьшившись до 1.5% согласно данным 2002г. (см. *График 1*). Эти изменения, несомненно, также объясняются правящей политической идеологией и оцениваются современной грузинской историографией как проявление русской имперской политики [см. 25, с 195].

В случае с азербайджанцами, при изучении демографических данных следует учесть в основном высокий показатель рождаемости. Но даже с учетом этого в 1926–2002гг. число азербайджанцев, по сути, осталось тем же (6.4 и 6.5% соответственно). Учитывая высокий уровень рождаемости и стойкий иммунитет к ассимиляции, этот показатель, по всей вероятности, может свидетельствовать только об их миграции – в основном в Азербайджанскую ССР и, начиная с 1991г., в нынешний Азербайджан и в Турцию.

Таким образом, начиная с 1989г., темпы огрузинивания или моноэтнизации постоянно ускоряются, а численность меньшинств сокращается (см. *График 1*).

Особенности демографических изменений

Две основные формы огрузинивания демографического образа страны – постепенная эмиграция и медленная ассимиляция – как правило, развиваются параллельно друг другу. Хотя цели означенных процессов полностью совпадают, но их темпы могут отличаться, скажем, по административным единицам, этническим меньшинствам или историческим периодам.

Так, если в советские годы более активно проводилась политика постепенной ассимиляции этнических меньшинств, то в первые годы независимости Грузии – в 1990-ые, резко усилились темпы эмиграции меньшинств (греки преимущественно переезжали в Грецию, евреи – в Израиль или Россию, азербайджанцы – в основном в Азербайджан, Турцию, армяне, к сожалению, – преимущественно в третьи страны, несмотря на то, что часть из них приехала и обосновалась в Армении¹, и т.д.).

¹Примечательно, что в первый период создания Армянской ССР и в последующие годы приток армян из Грузии в Армению был значительно больше, чем в годы независимости РА.

Например, ассимиляция и эмиграция среди армян отличаются по масштабам в зависимости от административных единиц. Так, **если сегодня для армянской общины Тбилиси наиболее характерна постепенная ассимиляция, то среди армян Джавахка эта тенденция выражена слабее, зато здесь мы можем говорить об эмиграции как о главной причине уменьшения численности армян Джавахка.**

А в случае с русскими можно получить любопытную картину в историческом срезе: в советские и постсоветские годы. Так, если в советские годы наблюдался значительный приток русских в страну, то с первого же дня независимости Грузии наиболее высокий показатель эмиграции был зафиксирован именно среди этнических русских. Согласно независимым исследователям, в 1990-1996гг. из проживающих в Грузии 264000 русских (по переписи населения 1989г., без данных по Абхазии и Южной Осетии) эмигрировали 200000, т.е. примерно 76%¹.

Обобщение

Итак, в соседней с нами Грузии как на протяжении всего 20-го века, так и в начале 21в. осуществляется Национальный проект, ключевой целью которого является создание Национального государства. Поскольку эта задача еще не решена, она сохранится в перспективной повестке Грузии. Огрузиниванию Грузии способствует также недавнее заявление президента М.Саакашвили о том, что они готовы предоставить грузинам-репатриантам квартиры вдвое дешевле их рыночной стоимости². А до того объявлялось, что для проживающих за рубежом этнических грузин будет упрощен порядок получения двойного гражданства.

После августовской войны Грузия постепенно переключает центр своего внимания на оставшиеся после войны грузинскими территории и нейтрализацию проблем меньшинств.

Судя по вышеприведенным цифрам, единственное этническое меньшинство в Грузии, не зафиксировавшим показатель демографического спада, а даже увеличившим свою численность на 0.1%, является азербайджанская община. К тому же, если в Грузии на протяжении многих лет среди этнических и религиозных меньшинств первое место занимали армяне, то сегодня на первом месте азербайджанцы.

¹ How emigration affects Georgia, Publication: Prism Volume: 4 Issue: 13, 1998, by Zaal Anjaparidze, www.jamestown.org

² <http://www.georgiatimes.info/analysis/31344-1.html>

Усилению азербайджанской общины сегодня весьма способствует стремительное проникновение турецкого капитала в Грузию, что придает азербайджанской общине новый заряд психологической безопасности. В компаниях азербайджанского и турецкого происхождения на работу принимаются преимущественно местные азербайджанцы. Именно из-за притока турецкого и азербайджанского капитала незаметно особой миграции азербайджанцев из азербайджанонаселенного района Квемо-Картли, в отличие, скажем, от армян Джавахка, эмиграция которых сегодня достигает больших масштабов, способствует их окончательному исходу.

Таким образом, основным препятствием на пути моноэтнизации Грузии может быть только продолжающийся рост турецко-азербайджанского присутствия в экономической жизни страны и традиционно высокие показатели естественного прироста азербайджанского населения.

Апрель, 2010г.

Источники и литература

1. *Gellner E.*, Nations and Nationalism. Ithaca: Cornell University Press, 1983.
2. *Kohn H.*, The Idea of Nationalism. A Study in Its Origins and Background, New York, 1961.
3. *Nodia G.*, Components of the Georgian National Idea: an Outline // Identity Studies, ed. G. Zedania, Tbilisi, Ilia Chavchavadze State University, No.1, pp. 84-101.
4. *Zedania G.*, National Form and the Question of Identity // Identity Studies, ed. G. Zedania, Tbilisi, Ilia Chavchavadze State University, N1.
5. Воспоминания министра народного просвещения графа И.И.Толстого (31 октября 1905г. – 24 апреля 1906г.), Серия «Мемуары русской профессуры», кн.2, 1997.
6. Վրաստանը և ազգային ինքնավարության հարցը Կովկասում, Դրոշակ, Ժնև, 1903, թիվ 9, էջ 147-148:
7. *Գալդյան Գ.*, Ռուսաստանը և Անդրկովկասի ժողովուրդները, Երևան, 1978:
8. *Муджири А.Н.*, Политические партии и национальный вопрос в Закавказье в период подготовки и проведения Октябрьской революции. Тбилиси, 1970.
9. *Վարդանյան Թ.*, Տարածքային կենտրոնացման գործընթացները (1905-1906թթ. հայ-թաթարական ընդհարումների լույսի ներքո), 2 մասով. «Ուխտ Արարատի», թիվ 4, օգոստոս, 2005, <http://www.oukhtararati.com/amsagrer/Oukth-4.pdf> (մաս 1-ին), «Ուխտ Արարատի», թիվ 6, հոկտեմբեր, 2005, <http://www.oukhtararati.com/amsagrer/Oukth-6.pdf> (մաս 2-րդ):
10. Газета «Кавказ», Тбилиси, 1906, N52.

11. *Chkhardtishvili M.*, On Georgian Identity and Culture. Nine International Presentations, Tbilisi, 2009.
12. “Civil population’s conditions Georgia, including South Ossetia, during the conflict between Russian Federation and Georgia”, Produced with assistance of the Public Movement “Multinational Georgia”, European Parliament. Brussels, 2 September 2008.
13. *Aprasidze D.*, Formation of a State and a Nation in Modern Georgia: an Unfinished Project? // Identity Studies, ed. G. Zedania, Tbilisi, Ilia Chavchavadze State University, No.1.
14. *Language myths and the discourse of nation-building in Georgia* // Nation-building in the post-Soviet bordelands: the politics of national identities/ Smith G...[et al.], Cambridge University Press, 1998.
15. *Abrahamian L.*, Armenian Identity in a changing world. Mazda press, 2006.
16. *Хаиндрава Г.*, «Армяне и грузины – никакие не друзья, да и друзьями никогда не были». <http://news.am/ru/news/7153.html>
17. Учите турецкий: Турция требует открыть в Германии школы с обучением на турецком языке, <http://lenta.ru/articles/2010/03/30/schulen/>
18. *Джавахишвили М.*, Что значит быть католиком в Грузии в XX веке. Идентичность, власть и город в работах молодых ученых Южного Кавказа, сб. ст., ред. Лежава Н., Тб., Фонд имени Г.Белля, 2005.
19. *Վարդանյան Թ.*, Թիֆլիսի հայ համայնքը. նոր մարտահրավերներ, հին խնդիրներ. 21-րդ Դար. Նորավանք ԳԿՀ տեղեկատվական-վերլուծական հանդես, թիվ 4, 2006:
20. *Վարսյանյան Ս.*, Ջավախք, Գիրք Թ, Երևան, ՀՀ ԳԱԱ, 2006:
21. *Komakhia M.*, Georgia’s ethnic history and the present migration processes, Central Asia and Caucasus, 2008, 1/16, http://www.ca-c.org/online/2008/journal_eng/cac-01/16.shtml.
22. *Բշխանյան Բ.*, Կովկասյան ժողովուրդների ազգաբնակչության կազմը, պրոֆեսիոնալ խմբավորումը, Թիֆլիս, 1914:
23. *Aprasidze D.*, Formation of a State and a Nation in Modern Georgia: an Unfinished Project? // Identity Studies, Vol.1, 2009, <http://identitystudies.ac.ge/1/>.
24. *Cornell S.*, Autonomy as a source of conflict: Caucasian Conflicts in Theoretical Perspective, World Politics 54 (January 2002).
25. Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках истории новых независимых государств, Москва, 2009.

GEORGIA: NATIONAL IDENTITY IN POLITICAL PROGRAMMES AND ON PRACTICE

Tamara Vardanyan

Resume

The article features origins, causes, main logic, trends, outlines and purposes of the “National Project” of Georgia, which, in fact, has been at the background of the policy of the Georgian authorities since the period of the first independent Republic of Georgia (1918-1921) till our days. The structure forming elements of the Georgian nationalism are examined in the light of the modern paradigm of Georgian national identity. The author mentions that the marked tendencies of the ethnic processes in Georgia are characteristic of the age of modernism and the period of the formation of the national states.

The studies of the language, religious, ideological, inter-ethnic, demographic processes in Georgia show that country is gradually proceeding along the path of mono-ethnification. As there are national minorities the political authorities of the country face a number of challenges of the inner character on the way of the mono-ethnification and those challenges, first of all, are openly manifested in the contradictions between the policy carried out in regard to the national minorities and stated adherence to the democratic principles, tolerance and ideas of multiculturalism.

Resuming the aforementioned facts and ideological outlines, the author believes that on the way of further mono-ethnification of the country the main competitor of the Georgian national project is the continual strengthening of the Turkish and Azerbaijani influence in economic life of the country and traditionally fast pace of the natural demographic growth of the Azerbaijani population.

ТРИ ИЗМЕРЕНИЯ ПРОЦЕССА ГЛОБАЛИЗАЦИИ

*Игорь Багирян**

«Рыночный фундаментализм, вера в то, что рынок сам себя коррелирует (Миф о Рынке) привели к дерегулированию глобального рынка».

Дж. Сорос

«Ни один финансовый рынок, процедура или участие не должны оставаться без регулирования или надзора».

G20¹, Берлин 2009г.

1. Экономическая идеология. Циклическая смена доминирования рыночной и государственной концепций – фактор развития экономической науки

С момента возникновения капитализма и до наших дней развитие экономической науки проходило под влиянием борьбы двух фундаментальных начал: государственного и рыночного (собственно капиталистического). Это противоречие выступает проекцией на экономику более фундаментального противоречия между необходимостью регламентации общественной жизни и вечным стремлением индивида к свободе. Доминирование одной из этих концепций неизбежно приводило к кризису, после чего управление переходило к противоположной концепции. С этим феноменом связаны все кризисы эпохи капитализма.

*Эксперт Центрального банка РА, кандидат экономических наук.

¹ Институциональный формат встречи министров финансов и председателей центральных банков 19-ти стран плюс ЕС.

Вместе с тем, это не было простым колебанием маятника между двумя фиксированными точками – идеологиями. Каждый раз переход к противоположной концепции сопровождался качественными изменениями в ней самой. Это обстоятельство дает основание говорить о развитии по спирали, а не по кругу.

Все кризисы без исключения, в том числе и личные, объединяет очень яркая черта, настолько яркая, что ее можно считать формулой кризиса: негативное проявление на материальном или физическом уровне и положительное воздействие на концептуальном уровне – разрушение старых представлений, старых мифов и обострение спроса на новые представления.

Базируясь на этом феномене, современная западная философия создала концепцию о том, что развитие вообще представляет собой процесс разрушения и создания мифов. Поэтому проблема развития – это сознательное и умелое использование технологии создания мифов – мифотворчество.

С самого начала возникновения противоречия двух концепций сторонники рыночной свободы (свободы индивида) разработали модель экономики, которая обеспечивает индивиду свободу выражать внутренне присущие ему потребности. Эта свобода воплощается в идеологии приоритета спроса (воли индивида) над предложением. Реализующая эту идеологию модель получила название модели совершенной конкуренции:

- объем предложения отдельного участника должен быть существенно меньше совокупного спроса.
- все участники обладают равной информацией о рынке и доступом к финансовым ресурсам. (1)
- информация распространяется быстрее, чем формируется предложение. Это условие связано с предыдущим: в противном случае те, кто получил информацию раньше, оказываются в выигрышной ситуации.
- предложение и спрос эластичны (чувствительны) по отношению к ценам.

На первом этапе развития идеологии рыночной свободы ее сторонники считали, что модель (1) естественна для капитализма и роль государства в том, чтобы не помешать ее становлению. Отсюда название этой идеологии – либерализм, в смысле свободы от государства. Эта стадия развития связана с началом формирования Мифа о Рынке как самодостаточной конструкции, которая не только выводит на оптимальное равновесие, но и обеспечивает устойчивую динамику.

Задача экономической науки (собственно, как и всех общественных наук) всегда состояла в том, чтобы придать легитимность выбору элиты актуальной

для нее идеологии. В этом смысле использование математического аппарата психологически особенно эффективно, так как создает иллюзию объективности. Были разработаны математические модели оптимального равновесия (Л.Вальрас), которые затем дополняются моделями экономического роста.

Конечно, говорить об экономической науке в каждой данный момент времени как о чем-то едином и целом будет слишком упрощенным. Здесь всегда присутствует разнообразный спектр взглядов, в том числе противоположных. Но наибольший вес получают те, которые отвечают текущему общественно – политическому спросу.

С позиции эволюционной теории смысл условий (1) состоит в обеспечении равенства транзакционных затрат (затрат на защиту прав собственности, информацию, доступ к финансовым ресурсам) для всех участников рынка. Транзакционные затраты характеризуют статус участников, уровень их неформальной привилегированности.

Экономическая практика быстро показала абстрактный характер модели (1) в смысле статусного равенства участников. По мере развития по спирали от кризиса к кризису сами сторонники либерализма так же пришли к пониманию того, что модель (1) может рассматриваться только как идеал – вектор развития. Соответственно изменяется и роль государства, которое выступает стратегическим фактором внедрения этого своеобразного норматива в жизнь. Такая концепция получила название неолиберализма.

В этом смысле многие эксперты отмечали противоречивую роль государства в неолиберализме: с одной стороны, обеспечение эффективности рыночных механизмов, а с другой – оно само должно установить рамки своего вмешательства.

Обеспечение равенства транзакционных затрат, одновременно с политикой их общего снижения может привести к росту бюрократизма государственного аппарата – росту его внутренних, сопутствующих затрат. Разрешение этого противоречия предполагает высокий уровень культуры государственности, в смысле осознания субъектами власти стоящих перед ними задач.

Надо отметить, что в этом направлении западная государственность прошла определенный путь: антимонопольное регулирование, законы о честной торговле и рекламе, этика корпоративного управления.

К сожалению, в странах бывшего социалистического лагеря, особенно постсоветского пространства, распространение получила ортодоксальная модель либерализма начальной стадии. Это заставило пройти мучительный путь к осознанию того, что пропаганда Мифа о Рынке в отрыве от соответствующих регулирующих и инфраструктурных функций государства играет только разрушительную роль.

Причины этого явления объясняются, по мнению некоторых западных

экспертов, тем, что осколки СССР (бывшей империи), не имеющие опыта создания собственной идеологии и привыкшие использовать в ее качестве имперскую, «ищут своей легитимности через вхождения в другие империи». Под последними понимаются США, Европа, Россия.

Поскольку возникновение Мифа о Рынке связано с Англией (концепция А.Смита о «невидимой руке»), передавшей эстафету США, либеральная и неолиберальная модели получили также название англосаксонской. Это не совсем точно, так как, например, модели управления финансовыми системами Англии и США существенно отличаются.

Тем не менее, Кембриджский профессор Д.Лейн отличает две модели капитализма:

- англосаксонскую: США, Англия, Канада, Австрия, Новая Зеландия.
- континентальную: Германия, Франция, Япония, Дания.

Первая из них объединяет неолибералов – рыночников, вторая – государственныхников.

Сторонники противоположной неолиберализму концепции, государственныхники, опираются на следующие контраргументы.

Первый и главный состоит в том, что интересы общества не являются простой суммой интересов отдельных индивидов. Стратегическая часть интересов общества воплощается в интересы государства – институт, легитимизирующий рамки для индивидов.

Второй аргумент, связанный с первым, состоит в том, что предоставленная сама себе экономика, даже близкая к модели (1), не в состоянии обеспечить качественное развитие.

В этом контексте интересно сопоставить взгляды двух великих экономистов: Фон Хайека и Й.Шумпетера.

Первый считал, что именно конкуренция является источником развития во всех сферах человеческой жизни. Конкуренция – это форма самоутверждения индивида, его желания выделиться из окружающей среды. «Конкуренция – метод открытия фактов для достижения цели (*discovery procedure*)».

Й.Шумпетер считал, что носителями качественного развития являются люди особой породы – новаторы. Это люди, одержимые определенной идеей или идеями, и смысл их жизни – любой ценой реализовать эти идеи. Общество в целом психологически враждебно к новаторам. Их идеи реализуются тогда, когда на их пути встречаются новаторы во властных структурах или финансах, становящиеся их единомышленниками и помогающие их реализовать. В современной американской терминологии их принято называть бизнес-ангелами.

Й.Шумпетер считал, что важнейшей функцией кредита выступает поддержка новаторов через финансирование рискованных инвестиций – иннова-

ций, и задача государства – обеспечить этот процесс, так как сам рынок это не сделает. Современная западная форма этой поддержки – венчурные фонды. Но эту проблему национальные экономики должны решать с учетом национальной специфики.

В хронологическом аспекте последние 30 лет, вплоть до настоящего кризиса, доминировала концепция неолиберализма (англосаксонская модель), и авторитет рынка (Миф о Рынке) не подвергался сомнению. Кризис и связанное с ним критическое осмысление пройденного западом пути однозначно качнули мировой общественно-политический маятник в пользу государственников.

2. Форма организации мирового информационного и экономического пространств (модель глобализации)

Организация мирового информационного и экономического пространств на последнем отрезке времени находится под влиянием ускоренного развития новой глобальной империи – США. За последние несколько десятилетий элита этой страны сумела создать более благоприятные по сравнению с другими странами условия для успешного развития широкого спектра духовно-психологических, политических, экономических концепций и теорий. Быстро развиваются практически все передовые направления науки. Любой индивид, имеющий сформировавшиеся интересы в интеллектуальной или духовно-психологической сферах, найдет соответствующую информацию в США.

Складывается на первый взгляд парадоксальная ситуация, когда любая концепция или доктрина именно в США имеет наиболее развитых оппонентов. Но более глубокий анализ показывает, что таким образом элита США имеет в своем распоряжении достаточно представительный и диверсифицированный портфель концепций. В этом суть использования синергетической теории Управляемого Хаоса (управления набором взаимодополняющих и противоречивых концепций). Элите США удалось превратить свою страну в информационном аспекте в своеобразный микрокосм – голографическое отображение планеты.

В предыдущем разделе «экономическая идеология» говорилось о смене доминирования во времени рыночной и государственной концепций. На самом деле сказанное корректно только для Европы и России. В самих США это колебание произошло только один раз: после Великой депрессии 1925г., когда неолиберальная идеология сменилась господством государственной. И с тех пор доминирование этой концепции вплоть до наших дней только нарастает.

Начало доминирования государственной концепции, которое стало началом имперской истории США, связано с принятием президентом Т.Рузвельтом

доктрины экономической безопасности и созданием соответствующего комитета. Тем самым официально зафиксировалась необходимость государственного управления экономики – экономическая политика.

Известный американский эксперт Мэрдок (*C. Murdoch*) определяет экономическую безопасность как возможность проведения экономической политики. Логика этого процесса предельно четкая и ясная: не существует неолиберальных империй, именно в империях принцип государственности получает максимально выраженный характер.

В дальнейшем были созданы: Совет по экономической политике (Никсон) и Национальный экономический совет (Клинтон).

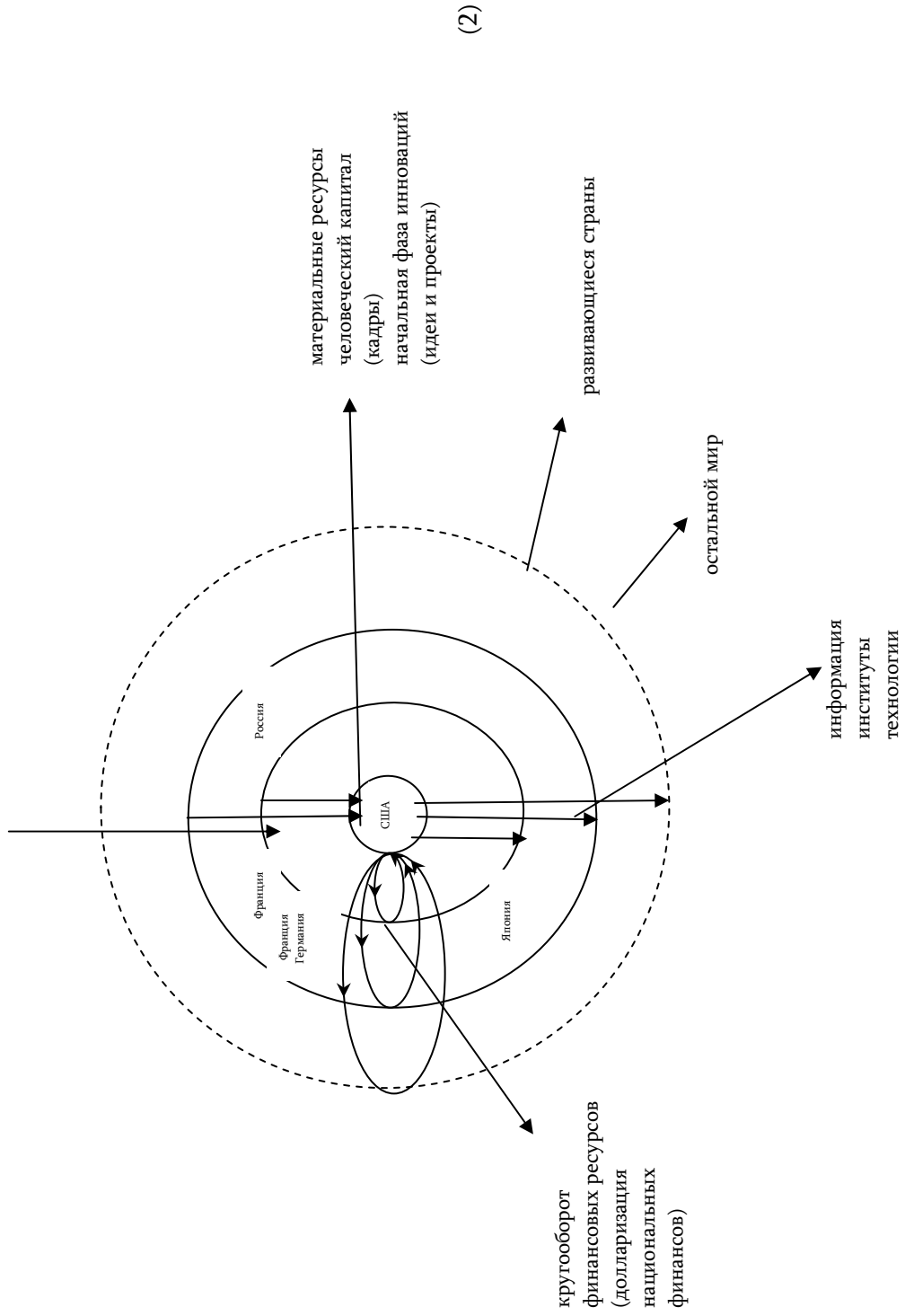
В истории становления США глобальной империей следует выделить послевоенный этап, связанный с принятием «Закона о Национальной Безопасности». В основе этого закона лежала концепция о необходимости разделения стратегической и тактической ветвей власти. Тем самым США зафиксировали (позиционировали) себя идеологическим лидером государственности. Вместе с тем для стратегического ослабления потенциальных конкурентов, прежде всего Германии, Франции, России, усиленно пропагандировалась и насаждалась неолиберальная модель.

В аспекте проведения политики двойных идеологических стандартов (государственного на внутреннем и неолиберального на внешнем) США выступают прямыми преемниками бывшей Британской империи. Известный американский экономист Линдон Ларуш писал, что свободная торговля (часть Мифа о Рынке) всегда была «политикой навязывания Британией тем странам, которые были ее жертвами». Значительно ранее крупнейший дореволюционный экономист и государственный деятель С.Ю.Витте говорил о колониальной направленности теории А.Смита.

Но справедливость требует отметить, что эта идеологическая игра всегда ведется в известной мере честно: в информационном пространстве США весомо представлены все точки зрения. Известнейший лауреат Нобелевской премии экономист-институционалист Дж.Гелбрейт называл разговоры о свободном рынке психическим расстройством клинического характера. Он же характеризовал организацию крупного бизнеса в США как «планирующую систему».

Смысл вышесказанного в том, что действительно думающая личность всегда может найти достаточно разносторонних сведений в информационном пространстве самих США.

На концептуальном уровне (без излишней детализации) действующую модель глобализации можно представить следующей схемой:

Суть схемы (2) в том, что США выступают глобальным центром экспорта информации, институтов и технологии, удовлетворяющих условию обеспечения действующей модели глобализации. Из внешнего мира США получают материальные ресурсы, идеи, проекты, человеческий капитал. Последнее обстоятельство позволяет США иметь первоклассную науку при отсталой системе школьного образования.

Финансовые ресурсы образуют кругооборот: значительная часть финансовых ресурсов, передаваемая США, к ним же и возвращается в той или иной форме. В результате внешний мир фактически кредитует сам себя с отрицательной кредитной ставкой – платит процентную ставку за свои же деньги. Оставшаяся часть финансовых ресурсов образует долларовую составляющую национальной денежной массы (долларизацию). Этот фактор также привязывает национальные системы к действующей модели глобализации.

Приведенная схема (2) характеризует любую империю, глобальную или региональную. Разница в качестве и количестве стран, составляющих кольца вокруг имперского центра.

Современная империя для обеспечения бесперебойного функционирования схемы (2) должна иметь 3 полноценных фактора:

- военно-промышленный комплекс (ВПК),
- система безопасности,
- финансовая система (3).

Понятие *полноценный* эквивалентно понятию *самодостаточный*. Это значит, что все три составляющих системы (3) в обязательном порядке включают элитарные научные центры.

Только две страны на планете удовлетворяли условиям (3): США и СССР.

После распада СССР большая часть потенциала (3) перешла к России. Но его уже существенно не достаточно для формирования империи.

Устойчивость модели глобализации оказалась под угрозой в связи с весьма важным обстоятельством политико-стратегического характера. Речь идет о росте политических амбиций объединенной Германии, постепенно избавляющейся от комплекса проигравшей страны, виновной в гибели миллионов людей. Современная Германия является безусловным экономическим и финансовым лидером Европы, и сегодняшние политические рамки ей уже тесны. Но для реализации имперских амбиций ей также мешает отсутствие условий (3).

На данном этапе лидеры России и Германии очень отчетливо осознают, что создать империю нового типа можно только объединив свои потенциалы. Россия все еще обладает самодостаточными ВПК и системой безопасности,

опытом имперского управления, а Германия имеет мощную экономику и финансовую систему.

Внимательный анализ практических действий лидеров России позволяет выявить стратегическую константу – строительство трубопроводов в Европу, конечная цель которых создать материальную основу для интеграции экономик России и Германии. Принципиально важно, что маршруты этих трубопроводов (по дну Черного и Северного морей) выбраны так, чтобы конечный результат был максимально независим от политической конъюнктуры в промежуточных между Россией и Германией странах. Это обстоятельство предельно четко зафиксировал В.Путин во время визита турецкого премьера в Москву.

Эта стратегическая линия неизменно встречала в Германии поддержку, независимую от смены политического руководства. За этим процессом наблюдают США, создавшие в лице Польши и Прибалтийских республик проамериканский клин между Германией и Россией. Часть обозревателей этих стран уже назвала строительство энергопроводов новой версией пакта «Молотова–Риббентропа». На данном этапе пока еще не ясно, какие формы примет этот процесс.

3. Институциональная структура мировой финансовой системы и механизмы формирования кризиса

Прежде всего, необходимо подчеркнуть очень ярко характеризующий ситуацию факт: абсолютно все члены формата G20, все политические лидеры, все мировое экспертное сообщество выделяют в качестве главных следующие причины кризиса:

- отрыв финансовой системы от реального сектора,
- слабый контроль над корпорациями (крупным капиталом),
- доминирование одной страны (США) в сфере экономической идеологии и неоправданный экспорт институтов из нее. В этом пункте также полный консенсус, включая новую администрацию США.

Все три причины можно обобщить в одну – действующая модель глобализации. Именно так резюмировал ситуацию известный эксперт Ж.Сапир: причина кризиса не глобализация как таковая, а ее действующая модель.

По отношению к первой причине (отрыв финансовой системы от реального сектора) тональность высказываний такова, что создается психологическое восприятие финансовой системы, прежде всего фондового рынка, как некоего зверя, который вырвался на свободу и которого необходимо любой ценой за-

гнать обратно в клетку. Чего стоят, например, слова лорда Тернера о необходимости «обуздать животные инстинкты банкиров», или высказывание советника президента США П.Волкера о докризисном периоде как «эпохе разнузданного капитализма».

Отсюда логически вытекают жесткие, фактически тоталитарные рекомендации, одна из которых приведена в качестве эпиграфа настоящей работы: «Ни один финансовый рынок, процедура или участие не должны оставаться без регулирования или надзора»¹.

Предельно жесткой критике подвергнуты все международные структуры МВФ, МБ и институты, в том числе Базель II, так охарактеризованный одним из экспертов: «проспали кризис и усилили его».

Значительная часть экспертов (на мой взгляд, несколько маргинальных), предлагает охватить реальный сектор системой нормативов, аналогично банковскому:

- валютная позиция,
- отношение обязательства /капитал,
- прибыль от операционной (прямой) деятельности/ обязательства,
- процентная ставка по кредитам и норма прибыли.

Обобщая сказанное, можно заключить, что причиной кризиса является подчинение мировой финансовой системы задаче глобализации по американской модели (схема 2). Это почти буквальное воспроизведение формулы Ж.Сапира.

Начало процесса формирования этой финансовой системы совпадает с началом формирования США как глобальной империи. Цель начальных этапов этого процесса состояла в превращении доллара в мировую валюту. Эта цель была достигнута следующими средствами:

- снятие ограничения на рост долларовой массы в форме золотого обеспечения доллара,
- поддержка постоянного спроса на доллар через обеспечение условия продажи глобальных дефицитных материальных ресурсов, прежде всего энергоресурсов, исключительно за доллары. Этот фактор вплоть до сегодняшнего дня выступает одним из важнейших политических факторов в международных делах. Предоставление льготных кредитов в долларах с последующим внедрением американских фирм на национальные рынки.

¹ G 20, Берлин 2009г.

Основой современной мировой финансовой системы, ее центральным связующим звеном выступает фондовый рынок США.

Объяснение этого факта содержится в трех важнейших особенностях этого рынка:

1. устойчивая привлекательность для внешних зарубежных инвесторов. Важнейшим фактором создания этого имиджа послужили региональные финансовые кризисы: европейский (1992-1993гг. – Англия, Италия, Швеция, Норвегия, Финляндия), латиноамериканский (1994-1995гг.), азиатский (1997-1998гг. – Южная Корея, Малайзия, Таиланд, Индонезия).
2. влияние на другие региональные фондовые рынки через котировки лидеров реального сектора, в том числе транснациональных корпораций. По сути дела, сформировалась двухуровневая система фондовых рынков, верхним уровнем которой выступает фондовый рынок США.
3. ключевая роль фондового рынка в экономике США. Имеется в виду значительное участие в нем не только бизнеса, но и домашних хозяйств. Это обстоятельство резко отличает фондовый рынок США от фондовых рынков Германии и Японии.

Действие первого фактора (устойчивая привлекательность фондового рынка США для внешних инвесторов) обусловило перегрев фондового рынка (ФР) США. Если фондовый рынок (ФР) США расширить, включив в него ценные бумаги правительства США, пользующиеся популярностью в качестве объекта размещения иностранных государственных резервов, картина станет еще более яркой.

Перегрев ФР выступает необходимым, пусковым условием кризиса. Американский эксперт Баффет считает, что уровень перегрева ФР характеризует показатель: капитализация / Валовый Внутренний Продукт (*GDP*). Если он больше 100%, то налицо перегрев. На последнем отрезке времени капитализация в США росла вдвое быстрее *GDP*, а с учетом того, что финансовый сектор составляет значительную долю на ФР, то темпы капитализации финансового сектора в 3-4 раза обгоняли *GDP*. Доля ценных бумаг финансовой системы на ФР США выросла с 5,2% до 23,5%.

В этом контексте интересно также сопоставление мировых финансовых активов с соответствующим *GDP*. В 2007г. он был равен 10.

Для характеристики бурного роста капитализации на ФР США в результате внешнего притока финансов обычно приводят пример роста стоимости акций фирмы *America Online* за 92-99гг. в 925 раз. Капитализация средней фирмы на ФР США была соразмерна капитализации всего фондового рынка России.

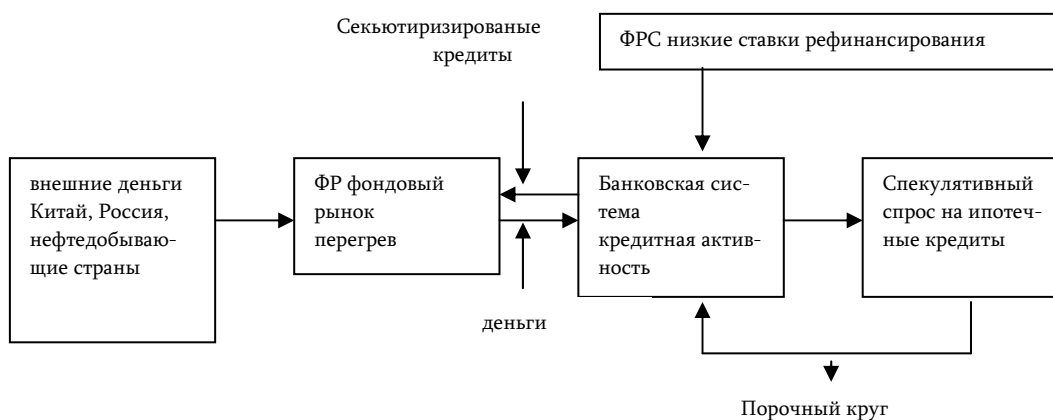
Другой кричащей характеристикой перегрева ФР США выступает сопоставление прибылей корпораций, выросших за последний период в 3-4 раза, с темпами роста валового внутреннего продукта, не превышающими 5%. Налицо огромная разница между виртуальной прибылью и реальностью.

Если рентабельность активов в реальном секторе, измеряемом как операционная прибыль (прибыль от прямой деятельности фирмы) / основные плюс оборотные фонды, не превышала 10-12%, то доходность вложений в финансовом секторе колебалась от 50 до 80%.

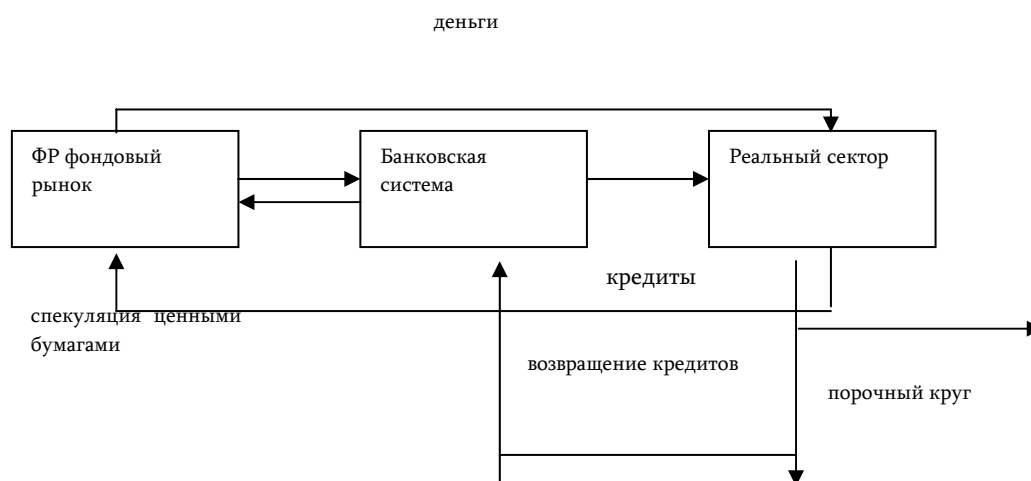
Перегрев ФР США обусловил резкий рост кредитной активности банков в той сфере, которая тесно связана с ФР: секьюритизированные (превращенные в ценные бумаги) кредиты. Особенно резко это проявилось для традиционных секьюритизированных кредитов – ипотечных.

При этом стремление к максимальной прибыли обусловило выдачу большого количества кредитов низкого качества (*Subprime*). Доля ипотечных кредитов в активах коммерческих банков выросла до 31%.

Ситуация осложнилась тем, что росту предложения ипотечных кредитов соответствовало увеличение спроса на них, вызванное причинами спекулятивного характера: приобретение жилья для перепродажи, стимулируемое низкими кредитными ставками. Немаловажную роль сыграла политика низких ставок рефинансирования ФРС. В результате возник первый кризисный саморазвивающийся порочный круг:

Другой порочный круг связан с нецелевым использованием кредитов реальным сектором: кредиты использовались для спекуляций на фондовом рынке.

Еще один кризисный механизм возник в результате опосредованного влияния ФР на кредитные отношения между банковской системой и реальным сектором: фирма берет кредит под залог ценных бумаг, при этом кредитный договор составляется так, что при падении курса этих ценных бумаг соответствующая часть кредита возвращается (*Margin Call*). Так закладывается механизм банкротств фирм в случае колебания котировки на ФР.

Однако самым характерным и опасным следствием перегрева фондового рынка (ФР) эксперты считают лавинообразный рост производных финансовых активов (деривативов), постоянно ухудшающий в смысле риска структуру фондового рынка (ФР).

История появления деривативов связана с введением плавающего курса национальной валюты. С его появлением у экспортирующих и импортирующих фирм возникает ситуация, когда доходы в одной валюте, а расходы – в другой. Это обстоятельство обуславливает рост спроса на механизмы страхования от валютных колебаний – хеджирование. Решение проблемы в форме фьючерсных валютных договоров было предложено на Чикагской товарной бирже, имеющей опыт заключения фьючерсных контрактов. Эти договора выступили первой формой деривативов.

С деривативами связан интересный в смысле кризиса факт: функционально призванные страховать от рисков, они сами по своей природе рискованны, так как содержат противоречие между настоящим и будущим. Об этом факте

эксперты говорили с самого начала, но только кризис заставил прислушаться к этой критике. В результате стала раскручиваться финансовая пирамида внутри фондового рынка: деривативы на деривативы – деривативы 1, 2 и...n порядка.

Соответственно, огромный вес стали приобретать финансовые институты, связанные с деривативами, – хедж-фонды, не подлежащие нормативному регулированию и обещающие своим вкладчикам высокие прибыли. Именно хедж-фонды сыграли одну из роковых ролей в кризисе. Биржевой и внебиржевой оборот деривативов составил астрономические цифры, многие десятки триллионов долларов. При этом с реальной поставкой базисных активов были связаны только 2-5 % деривативов. Таким образом, вся гигантская финансовая пирамида деривативов носила практически полностью виртуальный характер.

Все вышесказанное показывает, что ситуация в финансовой системе США была настолько неравновесной, что достаточно было относительно небольшого сбоя в каком-либо ее звене – невозврата ипотечных кредитов или нарушения связей банковской системы, реального (бизнес) сектора и домашних хозяйств, вызванного падением спроса на потребительские товары, – чтобы вся виртуальная пирамида рухнула.

4. Концептуальные ошибки государственной политики США и ФРС в сфере финансов

В настоящее время политические лидеры и эксперты соревнуются в критике англосаксонской модели финансовой системы, под которой понимается обобщенный образ докризисной государственной политики США в сфере финансов. Именно эта политика превратила мировую экономику, по выражению президента Бразилии Луиса Ипасиу, в «казино-капитализм».

Администрация Б.Обамы, будучи новой, разделяет эту критику, более того, стремится стать концептуальным лидером критической волны и посткризисной экономической идеологии в целом, опираясь на мощный теоретико-интеллектуальный потенциал США. Такая позиция новой администрации логична и в том плане, что в свете масштабов и глубины кризиса ошибочность всего курса государственной политики в сфере финансов настолько очевидны, что лучше всего максимально дистанцироваться от нее.

Существующий на сегодня консенсус относительно главной причины кризиса и связанной с ним государственной политики формулируется в виде двух последовательно связанных тезисов:

- отсутствие в государственной политике США задачи управления и контроля связей между финансовым и реальным секторами и институционально оформленной ответственности за нее,
- отрыв финансового сектора от реального (виртуализация финансов).

Оба эти тезиса сформировались как антитезы докризисной государственной политики США. В этом смысле нет худа без добра: отрицательный эксперимент информационно не менее полезен, чем положительный. Другими словами, эта политика имела направленность с точностью до наоборот: стимулирование процесса виртуализации при одновременном снижении качества контроля. Соответственно анализ докризисной государственной политики США в сфере финансов логично вести по двум направлениям:

- Рост виртуализации финансовой системы в результате прямого и опосредованного влияния фондового рынка (ФР).
- Снижение уровня качества регулирования финансовой системы.

Рассмотрим их подробнее.

- ***Рост виртуализации финансовой системы в результате прямого и опосредованного влияния фондового рынка (ФР)***

Укрупненно все национальные финансовые системы принято делить на две группы, в зависимости от того, какой из двух финансовых институтов – фондовый рынок (ФР) или банки – в них является определяющим, опорным. Первая группа получила название *market based financial system*, вторая – *bank based financial system*. Наиболее ярким, лидирующим представителем первой группы выступает финансовая система США, второй – Германия, Франция, Япония.

Понятие англосаксонской модели финансовой системы связано с представлением об обобщенной модели финансовых систем первой группы. Политика ФРС и государственная политика США в целом с самого начала были направлены на развитие этой модели. Индикатором этой политики выступает показатель доли сбережений домашних хозяйств в банках, если взять их суммарные сбережения в ценных бумагах и депозитах за 100%. В 1989г. – 42%, в 2005г. – 27%.

Другим характерным отличием англосаксонской и континентальной моделей финансовых систем (более точно – экономики в целом) выступает максимальная доля акций одного собственника в реальном и финансовом секторах для фирм, представляющих лицо национальной экономики:

- англосаксонская модель Англия – 14%, США – 25%.
- континентальная модель Япония – 82%, Франция – 66%, Германия – 56%.

Суть континентальной модели – сделать бизнес стратегически независимым от стихий фондового рынка. Характеризующим признаком отличия обеих моделей выступает степень влияния фондового рынка на экономику и соответственно уровень его контроля. В Германии фондовый рынок находится как под непосредственным контролем государства, так и опосредовано – через его контроль крупными банками. В США наоборот – фондовый рынок определяет состояние финансового и реального секторов. Политика США по усилению роли фондового рынка во всех национальных системах имела цель сделать его центральным связующим звеном мировой финансовой системы. Именно об этом факторе (насаждение доминирования англосаксонской модели) с нескрываемым раздражением говорят европейские лидеры.

В политике ФРС четко выделяются два фактора, обусловившие процесс усложнения фондового рынка и виртуализации финансовой системы. Первый из них – Акт 1999г. о финансовой модернизации. В соответствии с ним были сняты ограничения на использование деривативов и запрет на операции с ценными бумагами коммерческих банков. Другим, весьма важным фактором выступила концепция тогдашнего президента ФРС Гринспена о разделении рисков между всеми сторонами финансовых операций. Оба фактора в совокупности обусловили не только резкий рост количества деривативов, но самое главное – непрерывный процесс их усложнения.

В этом контексте особой критике экспертов подверглись кредиты – дефолтный свопп (*CDS*). Этот класс деривативов объединяет два фундаментальных финансовых института: банки и страховые компании. Банки страхуются от дефолта по своим обязательствам за определенную плату страховым компаниям. Благодаря репутации страхового института спрос на *CDS* был довольно высок. С точки зрения налогообложения *CDS* выгодны также специальной процедурой отражения в бухгалтерском балансе.

Другой класс сложных деривативов – *CDO* (*collateralized Debt obligation*). Для придания *CDO* имиджа объективности, их первоначальная цена определялась по заданной формуле. С этими классами деривативов были связаны быстро развивающиеся финансовые институты: хедж-фонды и специальные инвестиционные компании (*SIV*). Государство оставляет их вне регуляционного поля по принципиальным соображениям, связанными с концепцией экономической политики. Впоследствии именно хедж-фонды сыграли роль одного из главных пусковых механизмов кризиса, так как могли быстро и профессионально созда-

вать финансовые пирамиды.ФРС в рамках своей политики не контролировала забалансовые счета банков. Это обстоятельство стимулировало банки сотрудничать с хедж-фондами для выведения части активов за баланс.

В целом моральную атмосферу в бизнесе эксперты обозначили как падение корпоративной этики управления. В контексте этой формулировки некоторые эксперты считают целесообразным институционализировать материальную ответственность менеджеров за конечный интегральный результат.

- ***Снижение уровня качества регулирования финансовой системы***

Среди выводов экспертов выделяется заключение, разделяемое также руководителями финансов государственных структур о снижении в докризисный период общего уровня качества работы аналитических структур в Центральных и коммерческих банках, зачастую подменяемое использованием чисто формальных методов. Это снижение обусловлено, по мнению экспертов, нетребовательностью международных институтов, приведших к снижению спроса на качество аналитических работ вначале в Центральных банках, а затем и в коммерческих.

Фактор снижения общего уровня аналитики срезонировал в отрицательном смысле с политикой Базеля II о передаче процедур рейтингования коммерческих банков рейтинговым агентствам, а рейтингования кредитуемых клиентов – самим коммерческим банкам. Эта политика, возможно, была бы оправданной в случае наличия тенденции повышения качества работы аналитических структур в банковской системе.

Эксперты единогласно отмечают слабость методической базы процедур рейтингования и контроля над процессом Центральных банков. Часть экспертов выступает за передачу контроля над рейтингованием международным институтам.

Суть посткризисных рекомендаций в следующем тезисе: выведение за пределы Центральных банков какой-либо функции должно быть только в случае достаточной зрелости институтов, которым она передается. Этот вывод в полной мере относится к модели управления рисками финансовой системы.

Модель управления США основывается на концепции разделения, дифференцировании рисков и установления соответствия: вид риска – структура контроля. В результате в США финансовыми рисками занимаются:

- Комиссия по ценным бумагам и биржам,
- Комиссия по срочной биржевой торговле,
- Федеральная корпорация страхования депозитов.

Эта модель резко отличается не только от континентальной, но и от Бри-

танской, в которой всеми рисками занимается Управление по финансовым услугам. В Германии большую часть этих функций выполняет Бундесбанк, а после кризиса и вовсе возникла тенденция их полной концентрации в Бундесбанке. Сейчас еще рано говорить о доминирующей модели управления риском. По-видимому, это будет зависеть от общего сценария глобализационного развития. Но, по крайней мере, есть совпадение мнений о том, что у всех рисков должен быть один наиболее компетентный регулятор.

5. Три наиболее вероятных сценариев будущего – сценариев глобализации и анализ высказываний политических лидеров в этом контексте

В настоящее время более или менее отчетливо просматриваются следующие сценарии глобализации:

1. формируется наднациональный, общемировой центр, осуществляющий координацию крупных региональных центров. США становятся одним из таких центров. В техническом отношении это пока наиболее неопределенный сценарий.
2. США сохраняют центральное место в модели, но, извлекая уроки из кризиса, резко ужесточают контроль над финансовым и реальным секторами вначале внутри страны, затем во всем мире
3. мир переходит к полицентричной модели, решающим фактором которой станет интеграция экономических потенциалов России и Германии (на втором этапе – всей континентальной Европы).

Примечательно, хотя в то же время и логично, что все политические лидеры на словах высказываются в пользу только первого сценария. Экс-канцлер ФРГ В.Шмидт говорит о необходимости «создать новую транснациональную систему контроля над финансовыми рынками и всеми участниками». Президент США Б.Обама неоднократно использует выражение о необходимости «нового мирового порядка». Похожие выражения использовали В.Путин и Д.Медведев. Президент Франции Н.Саркози подверг неолиберальную модель, по выражению обозревателей, сверхмарксистской критике, используя выражения «культ наживы», «эксплуатация труда», «спекуляция». В то же время анализ реальных процессов в США, России, Европы дает основание для вывода о том, что за внешней формой высказываний скрыты второй и третий сценарии.

После событий 11-го сентября в США резко изменилась вся внутренняя система управления в направлении все более жесткого контроля. Под предлогом борьбы с терроризмом под контроль поставлена вся внутренняя жизнь. Од-

ним из показателей уровня тоталитарности государства выступает статус и структура национальной безопасности. В отличие от КГБ СССР, монополизировавшего всю систему безопасности и поэтому обладающего огромной реальной властью, в США действовала концепция о полиструктурности системы безопасности. И это с учетом того обстоятельства, что моноструктуры существенно эффективнее. На последнем отрезке времени в США четко обозначилась тенденция к жесткой координации этих структур. К этому следует добавить активное использование военных контингентов в стратегических регионах, независимое от смены администрации. Что касается России и Германии, то выше уже говорилось о тенденции к интеграции их экономических потенциалов.

Отличительной чертой настоящего момента является высокая степень неопределенности в отношении того, какой из трех сценариев будет реализован. Необходимо также учесть обстоятельство, в пользу которого говорят и индивидуальный, и коллективный жизненный опыт: на определенных этапах развития может реализоваться совершенно неожиданный сценарий, качественно отличающийся от экстраполяции сформированных тенденций.

Этот факт вынуждает на национальном уровне извлекать из кризиса универсальные уроки независимо от типа сценария, потенциально готовясь к любому.

Февраль, 2010г.

Источники и литература

1. *Soros G.*, The New Paradigm for Financial Markets: The Credit Crisis of 2008 and What It Means. Public Affairs, 2008.
2. *Хайек Ф.*, Безработица и денежная политика. Правительство как генератор «делового цикла». Экономические науки, 1991, N11 (русс. пер.).
3. *Шумпетер Й.*, Теория экономического равновесия. М.: Прогресс, 1982.
4. *Buffet W.*, On the stock Market. Fortune, 2001. Dec. 10.
5. *Шумпетер Й.*, Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995.
6. *Сапир Ж.*, Доклад на франко-русском семинаре. Париж, июль 2008.
7. *Коландер Д.*, Революционное значение теории сложности и будущее экономической науки. // Вопросы экономики, 2009. № 1, сс. 84-100.
8. *Коландер Д.*, Экономическая наука. М: ТУ – ВШЭ, 2007.
9. *Мэтью Н.*, Макроэкономист как ученый и инженер. Вопросы экономики, 2009, N5.
10. *Кейнс Дж.*, Избранные произведения. М.: Экономика, 1993.

11. *Шмидт Г.*, Положение в современном мире. Лекция: сентябрь 2007. (глобальный обзор) // Мир перемен, 2008, N2.
12. *Кобяков А., Хазин М.*, Завет империи доллара и конец «Рах Americana». М.: Вече, 2003.
13. МВФ «О мировом развитии» (World Economic Outlook. April 2005).
14. BIS (Bank for International settlements), 2007.

THREE DIMENSIONS OF THE PROCESS OF GLOBALIZATION

Igor Bagiryan

Resume

In the article the causes of the global economic crisis are analyzed; its preconditions and possible scenarios of development are revealed. It is mentioned that the characteristic feature of the current moment is the high level of the uncertainty regarding which of the scenarios will be implemented and the possibility of realizing quite an unexpected scenario which qualitatively differs from the extrapolation of trends formed. This fact allows learning on the national level the universal lessons from the crisis, despite the type of the scenario, and be potentially ready for any of those scenatios.

УПРАВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИМИ GR-ТЕХНОЛОГИЯМИ В АРМЕНИИ КАК ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ КОНСОЛИДАЦИИ

Мариам Маргарян, Роман Меликян***

В модернизирующейся армянской действительности, оказывавшейся в пределах «третьей волны» демократизации¹, общественно-политические трансформации требуют реформирования стратегий и инфраструктур государственного управления путем неинституционализации рыночно-либеральных ценностей и функционирования принципов *Good Governance* (участие, прозрачность, господство права, справедливость, контроль, стратегическая дальновидность, управление результатами). В этих условиях применение политических GR-технологий (*Government Relations*) фактически приобретают сущностную необходимость в деле функционирования демократической консолидации, предполагающей совершенно новые параметры политического развития современного армянского социума². При наличии такой постановки проблемы целесообразно рассмотреть политические GR-технологии как движущий фактор становления демократической консолидации в Армении.

*Заведующая кафедрой политического управления и политического анализа Академии государственного управления РА, доктор политических наук.

**Кандидат политических наук.

¹ Согласно признанной почти классической точке зрения Сэмюэля Хантингтона, распространение принципов и процедур демократии в ее современном понимании началось в США в начале XIX века и длилось до окончания Первой мировой войны, в которую президент В. Вильсон вступил с обещанием сделать мир «безопасным для демократии». Затем последовала антидемократическая, тоже «волновая» реакция – становление фашизма в Италии, нацизма в Германии, сталинизма в СССР. Вторая волна демократизации началась с победы над национал-социализмом во Второй мировой войне, восстановления основ демократии в Западной Германии, Италии, Японии, демократизации Австрии, распространения демократических институтов на ряд развивающихся стран в результате их деколонизации. Эта вторая волна продержалась примерно до середины 60-х годов, после чего наступил ее спад. От предшествующих демократических волн современную отличают некоторые особенности, и прежде всего гораздо более широкий, почти глобальный масштаб – вне ее влияния остались по сути лишь мусульманские страны и ряд коммунистических, включая Китай. См. [1].

² Понятие «демократическая консолидация» было введено в 1986г. Г.О'Доннелом и Ф.Шмиттером, которые предлагали осуществление ряда шагов в процессе либерализации для повышения качества демократии: быстрое ограничение и сведение к минимуму идеологических и институциональных несоответствий; обеспечение относительного самоопределения старых ценностей; мобилизация гражданского общества и повышение уровня участия; развитие относительно стабильной партийной системы, способной создать ответственного перед народом правительства. См. [2].

Задачи и функционирование политических GR-технологий

Коммуникации, имеющие своей целью продвижение в публичном пространстве тех или иных интересов организации, прежде всего, такого стратегического интереса, как наличие репутации, сегодня все чаще маркируются как *GR*. Говоря о публичном пространстве, имеется в виду, прежде всего, медиапространство, понимаемое как сфера масс-медиа, приспособленная или приспособившаяся для осуществления публичных презентаций тех или иных аргументов в пользу той или иной позиции. Статус публичности в данном случае соотносится с более широким по своему характеру общественным или социальным пространством, но при этом не в том смысле понятия «социального», которое используется в определениях социальной политики или социальной защиты, поскольку, говоря о сфере политических технологий, структурообразующим элементом данного пространства выдвигается власть. Здесь подобного рода коммуникации раньше отсутствовали или рассматривались в системе *PR* (связей с общественностью). В настоящее время в траектории функционирования и развития соотношений органов власти актуально применение **понятия *GR* («Джиар»), которое в буквальном смысле слова определяется как связь с государственными органами власти и охватывает взаимоотношения как самого спектра государственного истеблишмента, так и его отдельных политических структур** [3, pp. 26-30]. Важность использования политических GR-технологий в системе государственного менеджмента объясняется преимущественно тем, что в условиях развития универсально-техноинфократического человеческого социума и появления на этой основе новых непреодолимых для эффективного государственного управления вызовов, в госструктуре могут образоваться уязвимые стороны, отчасти грозящие не только продуктивности деятельности, но и целостности функционирования политической системы и государственного строя в целом.

Политические *GR*-технологии в Армении, как и в любом сложноорганизованном государстве, реализуются в определенной степени разнообразно. С одной стороны, они воспринимаются как проявление специфической жизнедеятельности государственной сферы, обладающей социальными границами, внутренними и внешними взаимозависимостями, набором акторов и отличительными чертами. С другой стороны, эти властные взаимосвязи представляют собой совокупность конкретных проблем, требующих решения со стороны государства, властных структур и органов, а также отдельных политических субъектов. Такое состояние, имея разнообразные свойства модернизации социально-политических реалий и отношений, предстает в качестве практических способов и процедур управления, принятия решений, урегулирования конфликтов, установления коммуникаций, выявляющих иной уровень политических зависимо-

стей и отношений [См. 4, сс. 414-419]. В этом смысле в Армении реализация политических GR-технологий фактически ориентируется на факторы, фиксирующие сложное переплетение самых разнородных явлений, реально воздействующих на процессы становления демократической консолидации. По достижении определенного уровня либерализации и развития последняя дает возможность **новому поколению «новых демократов» государственного истеблишмента рационализировать трансформационные процессы и институты функционирования государственного аппарата, делая его прозрачным, эффективным и профессиональным.** В итоге это помогает преодолевать кризисы политического развития (распределения, мобильности, участия, идентичности, легитимизации), обеспечивая качество демократии. По существу такой подход политической реальности является многомерным процессом, а его реализация сопряжена с максимальными сложностями ввиду фрагментированности интересов и позиций, а также непрогнозируемости соответствующих социально-политических процессов и технологий, проявляемых у действующих в государственно-политической сфере акторов (государственных органов и соответствующих политических структур) [См. 5, pp. 389-392].

При изучении системы управления политических GR-технологий в Армении на основе положений становления демократической консолидации целесообразно взять за исходную точку следующие принципы:

- внешний фактор оказывает сильное воздействие на внутренние трансформационные процессы, что в свою очередь влияет как на процесс формирования системы и принципов GR, так и на управление его разновидных технологий;
- наблюдается тенденция противодействия недемократическим (консенсусно олигархическим) структурам и гибридность иерархического, сетевого и точечного политического управления, что в свою очередь придает принципам *Good Governance* черты игровой логики;
- стратегия и тактика политических акторов носят популистский и маргинальный характер, обусловленный, с одной стороны, ярко выраженной манипуляцией политическим сознанием масс, и с другой стороны, пассивным проявлением их психологических особенностей по выработке и реализации целей и технологий достижения поставленных в сфере GR-управления задач;
- не развиваются принципы самореализации политического сознания масс для ответов на новые вызовы в процессе модернизации демократических институтов и процедур;

- эволюционный характер либерально-демократических традиций и стереотипов в трансформирующейся армянской действительности не дает возможность внедрить новые параметры управления армянского государства, реформируя политическую систему в целом;

Вышеизложенное дает основания согласиться с Элвудом Яном, который, изучая демократические процессы постсоветского пространства, отметил, что в нем не институционализированы или достаточно эффективно не функционируют основные механизмы контроля над деятельностью акторов управления политических GR-технологий [См. 6, сс. 76-80]. В соответствии с этим целесообразно добавить, что в Армении на достаточном уровне не реализуется эффективная и открытая система взаимодействий акторов государственного управления, и кадровая политика управления принципов GR функционирует неполноценно и не содержит в достаточной степени признаков либерально-конкурентной политики по привлечению новых кадров [См. 7, сс. 311-314, 66-68].

Обусловленные особенностями преодоления кризисов политического развития вышеперечисленные принципы могут быть дополнены новыми технологиями управления процессами для становления и функционирования демократической консолидации армянского социума.

Эффективное управление политических GR-технологий и повышение качества демократии в Армении

На современном этапе политического развития политические GR-технологии в Армении как способ эффективного государственного управления нуждаются в скорейшей модернизации. Это во многом связано с необходимостью приведения в соответствие с новыми стандартами тех идеалов и норм государственного менеджмента, которые диктуют современное инфотехногенное общество и система *Good Governance* [см. 8, pp. 26-28]. В то же время нынешняя политическая конъюнктура в Армении свидетельствует о том, что в настоящее время в армянской государственно-управленческой системе можно столкнуться с чрезвычайно сложной теоретико-методологической проблемой, поскольку очевидно, что для демократического транзита постсоветского пространства, **какой по существу является Армения, существуют многочисленные измерения политического развития, предполагающие при этом различные направления.** Последние, имея свойства видоизменения, проявляются в разных траекториях политического реализма, затрагивая различные аспекты как теории рационального выбора, так и структурно-функционального и системно-дискурсного подходов политиче-

ского анализа. С одной стороны, происходит внедрение демократических институтов и процедур западного образца (вестернизация) механической идентификации их с «национальной идеологией» и «менталитетом» данного общества, **что в свою очередь создает гибридное ценностное пространство, мешающее отдельным сетям и акторам государственного управления целеустремленно проводить логическую модернизацию для повышения качества демократии.** С другой стороны, в результате этого наблюдается конвергенция разнородных гибридно-олигархических ценностей, унаследованных от недемократических структур, и их целенаправленное использование для формирования новых типов управления при авторитарной демократии. Естественно, за каждой из отмеченных особенностей стоят специфические политические, социально-экономические и культурно-цивилизационные ценности и стереотипы, каждый из которых в определенной степени оказывает воздействие на систему государственного управления, при этом рационализируя, маргинализируя или популяризируя политические *GR*-технологии. Наличие такого, казалось, далеко не институционально-функционального и не адекватного состояния политической системы объясняется, прежде всего, затягиванием переходного цикла демократического транзита. Последний, предполагающий только либерализацию (**векторное развитие**) общественно-политической и экономической сфер общества, не гарантирует качества демократии и тем более демократическую консолидацию (**сетевое и точечное развитие**). Демократический транзит фактически свидетельствует о переходе от одной общественной и политической формации к другой, что отнюдь не гарантирует качества демократии, наблюдаемого в редких случаях и исторических плоскостях [см. 9, pp. 253-254].

Исходя из наличия такого тезиса, вполне справедливо можно констатировать, что существует неразделимая связь между эффективностью управления политическими *GR*-технологиями и способами обеспечения качества демократии, возможного в условиях *Good Governance*. Его можно достигнуть преимущественно с помощью **принципов исполнения культуры власти, социального диалога, солидарности поколений и сотрудиической культуры**, необходимых для становления демократической консолидации в Армении. Последняя требует развития государственных инфраструктур, предполагая высокий уровень политической и гражданской активности. Гражданское общество при этом, будучи институционально-демократическим образованием, испытывающим на себе разного характера трансформации и влияния политического общества, в свою очередь, предполагает различные формы диалога, на основе которого и осуществляется демократическая консолидированная власть и утверждаются принципы «демоархии» [см. 10, сс. 368-385].

Вместе с тем, установление демократических институтов и процедур, ценностей и принципов, формирование гражданского общества, осознание и ответственность государственных и политических лидеров (акторов *GR*) за свои действия – все это необходимо для демократизации общества и его политической консолидации. Однако важно также осознать, что чем дольше длится построение «процедурных минимумов» и чем дольше существуют законы, тем больше вероятности, что они продолжат свое закономерное существование. Исход же таких институтов и законов может стать «недостаточной основой» для достижения демократической консолидации, тем более с учетом многомерности уязвимых сторон развития политической системы Армении. С одной стороны, такое положение не определяет способов их существования, с другой же – такой подход дает преимущество только одной группе из всех демократических институтов, всячески переоценивая ее значимость. И если демократия есть применение **гражданственности** (*Civilarchie*) в деле реализации группового выбора, то она должна применяться не только посредством длительной цепочки правил осуществления *GR*-технологий в контексте принятия политических решений, но и через право быть **«избранным»**. Подобная устойчивая теория демократической консолидации должна соответствовать изменениям и **в пространстве**, и **во времени**, став локомотивом в системе управления политическими *GR*-технологиями и обеспечив качества демократии в Армении. Она должна быть в состоянии контролировать возникшие структуры и процессы посредством множества как представительных институтов (не только политических партий, но и групп интересов и социальных движений), так и управленческих процессов (как законодательного процесса, так и процесса принятия решений действующей властью, процесса формирования властных структур, гражданских, стратегических и бюрократических аппаратов) [см. 11, pp. 502-505].

Информационная демократия в контексте преодоления контуров управления «политической олигополии» в Армении

Современные трансформационные общества с транзиторными институтами и процедурами в процессе развития сопровождаются с множеством сложнейших проблем, затрудняющих и отчасти замораживающих становление демократической консолидации. Одна из таких преград, ярко выраженная в политико-экономических реалиях стран постсоветского пространства, – наличие системы ограниченного действия политического и социально-экономического развития, которая известна в современной политологии как политическая олигополия. По аналогии с экономической олигополией политическая олигополия обладает такими существенными признаками, как наличие показателей немногочислен-

ности партий в политической системе, доминирование высоких барьеров для появления новых партий и преобладание всеобщей взаимозависимости партий при выработке стратегий политической борьбы [12, сс. 249-251]. В результате продвижения в модели политической олигополии, проявляемой как на законной, так и незаконной основах (в теневой форме), высшие слои общества, в отличие от основной массы населения, фактически пользуются «сословными», «уникальными» правами, в противовес официально существующим утверждениям, не соответствующим основным нормам и принципам демократического социума. В Армении такая модель приобрела характер «новых демократов» и «традиционной бюрократии». При этом утверждается, что разнообразные попытки избежать олигополии волюнтаристскими или насильственными методами, по существу, не могут привести к существенным результатам, ибо, с одной стороны, такая методология политической имплементации не исходит из демократических принципов и процедур, с другой стороны, разрешение данных противоречий возможно только при создании какой-либо естественной модели восприятия отношений. Для Армении такой моделью может выступить диверсификация рыночных отношений, что возможно, прежде всего, путем усиления информационно-коммуникационной сферы и развития инновационно-информационных технологий как важного фактора построения информационной демократии. Последняя есть возможность проведения анализа состояния политической системы современного демократического общества, предполагающей базисную основу непосредственной демократии и важнейший специфический элемент информационного общества [см.13, сс. 67-72]. Информационная демократия представляется и как реальность взаимосвязей между выборными лицами, средствами массовой информации и избирателями, как «сердцевина» современной демократии. В этом направлении происходит процесс становления «новой формы демократии», многогранность которого предполагает либерализацию, демократизацию и консолидацию.

Отсюда можно заключить, что информационная демократия в Армении, как в развивающемся трансформационном демократическом обществе, рассматривает политику управления политическими *GR*-технологиями в качестве движущей силы не только государственной машины, но и общественного организма, ибо такая информационная политика компенсирует многогранность политических ресурсов и предотвращает последствия хаотичных признаков асимметричной информации, угрожающих информационной безопасности страны [см. 14, сс. 300-302]. Это дает возможность расширить социальное пространство избирательных кампаний, минимизируя роль маргинальных и популистических акторов, повышая степень политического участия и одно-

временно расслабляя позиции олигополистских звеньев в системе государственного истеблишмента в целом. В противном случае всеобщее избирательное право, как отмечает М.Рокар, начинает терять эффективность, тогда как при принятии важных решений и при осуществлении правительственной политики все возрастающую роль начинает играть общественное мнение, формируемое и в значительной степени управляемое распространением массовой информации [15, сс. 133-135].

Для целостного восприятия и решения вышеуказанных проблем предлагаем следующие принципы информационной демократии в направлении преодоления контуров управления «политической олигополии» в Армении в соответствии с применением необходимых для ответа на современные вызовы политических *GR*-технологий.

Введение открытой системы управления и контроля над деятельностью государственных структур и государственных чиновников информации. В данном случае речь идет не только о переводе имеющейся бумажной документации в электронную форму и обеспечении свободного доступа к ней, но и о создании принципиально новых форм контроля и отчетности. Здесь, конечно, подразумевается информация, не имеющая индекса секретности. Например, кроме права на получение полной информации о деятельности каждого государственного деятеля, каждого чиновника госаппарата. В состав данной информации обязательно должны входить и служебные досье каждого государственного деятеля, каждого чиновника госаппарата. В состав такого досье должны быть подключены все предложенные данным государственным деятелем законопроекты, поправки к ним, его голосование по каждому вопросу, все подписанные им документы и отчетности. Должна быть создана соответствующая электронная система оценивания деятельности госслужащих с использованием критериев оценок аттестации. Это даст все необходимые условия и предпосылки не только для отслеживания деятельности госслужащих, предотвращения возможности развития коррупции и махинации и усиленной борьбы против подобных противозаконных деяний, но и во многом поспособствует внедрению принципов *Good Governness* в систему государственного менеджмента, **обеспечивая эффективность управления процесса реформирования.**

Политические решения государственными органами должны быть приняты на основе согласованности не только со всеми ветвями государственной власти и местных органов самоуправления (вертикальной и горизонтальной), но и с прямым участием граждан путем электронных средств и путей обеспечения [см. 16, сс. 77-92]. При этом граждане должны иметь право на открытое обсуждение в виде открытых конференций или дебатов всех касающихся их жизне-

деятельности законопроектов. Результаты этого обсуждения и внесенные гражданами поправки и предложения должны законодателями учитываться при рассмотрении и утверждении данных законов и реализованы исполнительным органом и соответствующими структурами, если последние не принимаются общегосударственным референдумом.

Граждане должны обладать системой контроля и коррекции действий государственных структур. Как частные лица в своей деятельности сознательно или бессознательно всегда совершают ошибки, точно так же неизбежно желание отдельных политиков или политических групп, административных структур при принятии решений исходить из своих интересов и предпочтений. Следовательно, необходима система коррекции ошибок в информационном обществе, чтобы последнее функционировало более эффективно, регистрируя меньше подобных отрицательных случаев. Например, становится возможным создание специальных административных или гражданских судов, которые будут заниматься делами, связанными с нарушением государственных и муниципальных структур прав граждан.

Утверждение и укрепление многопартийной демократической системы как гаранта эффективного государственного управления, ибо в противном случае становление данной системы, которое пока не завершено и пребывает в том виде, в каком и находится на сегодняшний день процесс стратификации общества, может длиться десятки лет или может быть приостановлено ввиду непредусмотренных обстоятельств (возврата прежней недемократической системы, сверхцентрализация власти и ущемления демократических прав и свобод). При этом вполне возможно, что в результате такого исхода может сформироваться самое «злокачественное препятствие» развитию олигополической системы – образование партии власти, предполагающей разврат как для самой партии, так и для общества в целом. В основе политической стратегии такой партии лежит идеология, что, если власть принадлежит правящей партии, то власть партии сама по себе уже принадлежит власти. Наличие такой системы будет свидетельствовать, прежде всего, о заявлении политических элит о несостоятельности многопартийной демократической системы. Все это ограничивает свободное развитие информационного пространства, в то время как: а) рациональность восприятия информации в массах играет более решающую роль в демократических, нежели в авторитарных режимах; б) информационная безопасность, с одной стороны, создает безопасный переход от конституции к конституционализму, с другой – формирует информационно-гражданскую культуру как базовую основу становления демократической консолидации. Последняя, снижая уровень маргинально-популистской оценки инфор-

мации, дает возможность гражданам воспринимать безопасный характер рациональной информации [см.17, сс. 7-20].

Массовое распространение **принципов исполнения культуры власти, социального диалога, солидарности поколений и сотруднической культуры** в систему государственного управления поднимает эффективность признания демократических принципов, доверие к основным политическим институтам, к межличностным отношениям, чувство гражданственности, утверждение и соблюдение прав человека и свобод, политическую толерантность и инакомыслие. В этой связи происходящий в рамках третьей волны демократизации процесс «транзита-консолидации» показывает, что качество демократии напрямую связано с ростом демократизации политического сознания масс. С этой точки зрения считаем целесообразным рассмотреть процесс «транзита-консолидации», который в своей многомерности конвергирует «реформы сверху» и «реформы снизу» при помощи такой интегральной модели, в которой конкретные действия и решения политических акторов по многим ключевым аспектам определяют пути повышения качества демократии и связанных с ней общественных трансформаций. В таких условиях политические акторы, своеобразно применяя особенности структурного и процедурного подходов, свободны в действиях по разработке и применению стратегии и тактики в ходе своей деятельности, предотвращая при этом возможности цветных революций.

Государственный истеблишмент – новый виток бюрократического развития правящей элиты Армении

В число слагаемых успехов любой страны входит способность правящей элиты трезво соотносить внешне- и внутривнутриполитические цели с имеющимися возможностями и выбирать соответствующие оптимальные средства и технологии реализации государственной политики. В этом отношении место и роль правящей элиты в деле эффективной организации и управления государственной политикой несравнимо велика. Иной вопрос, как и с какой эффективностью реализуется такая политика и какие принципы лежат в основе ее импликации?

Соглашаясь с англоязычным подходом интерпретации понятия «истеблишмент» (англ. *Establishment* – влиятельные круги, верхушка) как системы правящих и привилегированных групп общества и подчиненной им структуры власти [18, с. 145], можно утверждать, что государственная власть высшей элиты под названием «государственный истеблишмент» отличается высокой компетентностью профессиональной деятельности и независимостью действия, предполагающей отрицание свойств ангажированности среди акторов *GR* и выработку рациональной политики реализации общенациональных интере-

сов [19, pp. 228-235]. Такая рационализация политики в государственном управлении начинает серьезное продвижение с того момента, когда легитимность существующего в обществе порядка обеспечивается не персональной или харизматической властью правящей элиты, а твердо стоящей на почве закона корпорацией чиновников или авторов политических сетей [20, сс.15-16]. В этой связи Макс Вебер отмечает, что парламентская аристократия (парламентская элита) не может обладать большой силой легитимности среди широких слоев демократического общества, и поэтому она должна быть конвергирована либо с консервативной монархией, права которой в определенной степени ограничены со стороны парламента, либо с избранным политическим лидером (президентом), окружение которого должно на реальных основах систематизировать интересы каждого актора, что возможно «под господством принятых рациональным путем законов и превалированием личностных качеств лидера» [21, с.481]. В этом смысле в трансформационном демократическом государстве Республика Армения циркуляция и воспроизводство правящих элит в системе государственного истеблишмента в настоящее время сопряжены с определенной сложностью и очередностью, обусловленной многомерностью и разнообразностью политических процессов. Они начались еще при советской системе за счет выдвижения многочисленных представителей из разных общественных секторов (бывших руководителей среднего звена – начальников отделов, подразделений, служб и собственно «новых демократов»). В условиях либерализации интенсивная мобильность во многом была ограничена перемещениями внутри элитных слоев и между этими слоями. Ближе к середине 90-х гг. разворачивался процесс, который можно назвать частичной реставрацией политической элиты, что можно объяснить двумя волнами обновления высших слоев. Первая из них была связана с вторжением реформаторов. Вторая же ознаменовала приход контрреформаторов, наименее сильных и занявших довольно слабые позиции в системе государственного управления. При этом действия этих политических авторов следует рассматривать как закономерность процесса завершения реформенного цикла.

Изменение норм и правил властных взаимодействий во многом происходит из процесса реконверсии элиты (т.е. перевода капитала из одной формы в другую). Это своего рода «переодевание» элиты, решающим элементом которого стало «обуржуазивание» элитных групп. Оно проявилось, прежде всего, в двух явлениях. Во-первых, часть политической элиты Армении трансформировала свое политическое влияние в экономический капитал. В результате этого представители политической номенклатуры сами вошли в новую бизнес-элилу, реконструируясь в **трипартистическую систему, когда бизнес-элита, политиче-**

ская элита и «профсоюзы» (муниципалы) проявили заинтересованность в проведении последовательных реформ для установления социального диалога, солидарности поколений и сотруднической культуры, или же, наоборот, протезировали в хозяйственной сфере собственных представителей. Во-вторых, «обуржуазивание» коснулось самой политической элиты посредством расширения коррупции. В результате этого политика стала ассоциироваться с бизнес-деятельностью. Западные авторы Т.Карл и Ф.Шмиттер объяснили такое состояние тем, что в государствах Средней Азии и Кавказа на постсоветском пространстве проходили исключительно своеобразные процессы, ранее не имевшие аналога и в основе которых лежали специфические для этих стран общественно-политические особенности с традиционными общественными и государственными строями [см. 22, сс. 6-8]. С одной стороны, крупные предприниматели ищут протекции государства и стараются получить от государства собственность и привилегии. С другой стороны, политики уже не довольствуются привычными атрибутами власти и известности. В результате крупные бизнесмены становятся политически влиятельными персонами, а политики превращаются в весьма обеспеченных людей. Вместе с тем, противостояние законодательной власти, президентской структуры и правительства, государственных и местных органов государственного управления, партийных группировок левого и правого толка, политической, военной и хозяйственной элит, отраслевых лобби, представляющий различные хозяйственные комплексы – все это вносит вклад в ситуацию властного плюрализма. Подобная ситуация может рассматриваться как проявление демократизации общества, но чаще в ней усматривают свидетельства вакуума власти и недостатка эффективного бюрократического управления. Противоположные оценки высказываются в рамках гипотезы о консолидации элит. Здесь утверждается, что разделительные линии между разными элитными группами в системе государственных отношений все более размываются, а власть концентрируется в руках ограниченного числа субъектов. Законодательные власти не имеют особой силы, военная элита по-прежнему лояльна и подчинена политическим силам, «левые» и «правые» партийные группировки дрейфуют к «политическому центру». Не следует также преувеличивать конфронтацию политической и хозяйственной элит. Формируются сложные системы с размытыми границами между государственными и негосударственными секторами экономики. На этой базе возникают так называемые «политико-финансовые группы», в их пределах осуществляется «политическая торговля» ресурсами.

Тем не менее, несмотря на видимые противостояния, в политической системе Армении происходит неумолимая консолидация элитных групп. Впрочем,

главная особенность в процессе формирования современной правящей элиты в системе «государственного истеблишмента» Армении заключается в том, что она на сегодняшний день приобретает зеркальность черт, во многом аналогичных с политическими элитами демократических государств западного мира. Это, прежде всего, обусловлено политическим сознанием элит государственного управления, начавших реально воспринимать характер и остроту последствий современных вызовов внешне- и внутривнутриполитической жизни армянского общества, которые в целом диктует последовательность и исход процесса становления демократической консолидации в Армении. Этот процесс прежде всего обусловлен необходимостью реализации трипартистической политики.

Вместе с тем, примечательно, что каждое общество в современном постиндустриальном мире имеет свою специфическую модель обобщения жизнедеятельности правящих элит, каждая из которых в свою очередь имеет собственную ценностную систему и принципы самоутверждения. В этой связи из множества существующих моделей (этимологической, социально-культурной, структурно-функциональной, социально-конфликтной) [7] для рассмотрения особенностей, статуса и социально-политического функционирования правящих элит Армении как носителей государственного истеблишмента целесообразно обратиться ко всем моделям. Благодаря этому можно будет выявить картину объективной причинности протекающих в Армении многовекторных политических процессов. С этой точки зрения следует придать особую важность **инновационному восприятию функциональной деятельности** правящих элит Армении, в соответствии с которой можно выделить следующие критерии эмпирических данных функционирования элит в общей системе государственного истеблишмента Армении:

- Пути сбора политических элит.
- Типология политических элит.
- Взаимодействие политических элит с группами давления, в том числе с криминальными группами.
- Возможности самовыражения, самоочищения политических элит.
- Отношения масс, политических (государственных) и оппозиционных элит.
- Импульсы поведения и деятельности политических элит.

Систематизируя такой подход, элитолог Р.Миллс считает целесообразным исследовать сущность политических элит в демократизационных обществах по структурно-функциональной модели, при этом рассматривая правящую элиту как имеющий многомерный багаж развития социальный элемент [23, с. 4]. Последний с помощью имеющегося багажа создает определенную символику де-

мократического управления, свойственную тем общественно-политическим строям, в соответствии с которыми осуществляется государственная власть. Вместе с тем, возможность принятия политических решений и внесение способности управления в политическую систему общества обусловлены способностями элит воспринимать государство и государственный истеблишмент как основную политическую символику. В этом отношении политика становления суверенного, демократического, правового, социального государства предъявила четкие требования политическим элитам Армении, которые можно подразделить на следующие кластеры.

Политическое осознание реальности применения демократических ценностей в армянском обществе, что выражается с момента приобретения независимости Республики Армения, проявляется при восприятии необходимости процесса создания суверенного, демократического, правового, социального государства в сочетании взаимоотношений траектории «Армения-Арцах-Дiasпора».

На основе общечеловеческих и международных норм эволюционная модернизация национальной ценностной системы и ее сохранение в действующей в условиях существования независимого государства политике.

Таким образом, в условиях становления демократической консолидации правящая элита Армении как **инновационный актор** бюрократического развития должна стать носителем демократических достижений и социокультурного развития в процессе управления инфократического миропорядка армянского социума. С их помощью становится возможным выявить ценностные установки и проблемы демократизации государственного истеблишмента, в частности ликвидации свойств политической маргинальности личности и обстоятельств, которые имеют роковое значение в деле открытого применения сбора политических элит и создания суверенного, демократического, правового, социального государства Республики Армения.

Актуальные технологии GR в системе информационной безопасности Армении

Сегодня технологии GR относятся к сравнительно новому виду государственных отношений и услуг в Армении, хотя в западном мире «государственный PR» или «Public Affairs» имеет давние традиции. Цель GR преимущественно состоит в предоставлении консультационных услуг государственному сектору управления и экономики. При этом GR во многом зависит от внешней поли-

тики, но определяется внутренней политикой государства [См. 24, с. 226]. Модератором функционирования *GR* в Армении является Правительство Республики Армения, которое в то же время выступает генеральным заказчиком *GR*-услуг. Роль последних объясняется в двоякой форме. С одной стороны, органы государственной власти обращаются за содействием к армянским *GR*-консультантам по широкому кругу социально-экономических вопросов, с другой – «предоставление государством услуг обществу» является ключевым понятием в системе связей с правительством. Одним из примеров удачного применения *GR*-услуг на практике является создание в 2009г. в Армении института Примириителя финансовой системы [См. 25]. Между тем на пути к успешному функционированию этого нового феномена государственных отношений (*GR*) в армянских реалиях, несомненно, большое значение играет система безопасности, прежде всего в информационной сфере. «Информационная безопасность – это широкое и содержательное понятие, включающее в себя не только вопросы обеспечения информационно-технических систем, но и все то, что касается духовно-психологической, интеллектуальной сферы. Можно констатировать, что по сравнению с другими составляющими безопасности она более непосредственно связана с человеческим, общественным и национальным факторами» [26]. Но вместе с тем, на современном этапе развития в Республике Армения еще не сформулирована единая концепция государственной политики информационной безопасности, а армянское информационное законодательство находится на начальной стадии формирования. Поэтому первоочередное внимание государственной власти, политических *GR*-структур и научного сообщества должно быть обращено на проблемы разработки концептуальных основ государственной политики информационной безопасности и на внесение изменений в информационное законодательство РА с учетом главных особенностей современного этапа развития армянской государственности. Эти особенности весьма существенны.

Во-первых, в настоящее время в РА осуществляются глубокие социально-экономические и политические преобразования с целью окончательного перехода к правовому демократическому государству с рыночной экономикой, который не может быть успешно реализован без одновременного качественного изменения информационной среды, без формирования информационно открытого общества и информационно прозрачной государственной власти.

Во-вторых, кардинальное реформирование конституционных, политических и социально-экономических основ армянской государственности без политических, социальных, национальных и прочих конфликтов, способных по-

родить реальные угрозы территориальной целостности страны, ее конституционным основам, возможно только при условии постоянного тесного взаимодействия власти и общества – государственных институтов и институтов гражданского общества – (*Public Affairs & Public Relations*) на основе взаимопонимания, взаимоуважения и делового партнерства. Для обеспечения такого взаимодействия, прежде всего, необходим постоянный информационный обмен между властью и обществом, а также создание открытого информационного пространства, без которого в принципе невозможно не только консолидированное гражданское общество, но и эффективно функционирующее политическое сообщество.

В-третьих, идут сложные процессы формирования общественных отношений в государстве на основе новых для современной Армении демократических принципов равноправия, эффективной системы сдержек и противовесов между центральными органами государственной власти и внутри системы местных органов самоуправления. В этих условиях сохранение территориальной целостности РА, ее государственности в решающей степени обусловлено устойчивостью информационного взаимодействия между центром и периферией, между всеми ветвями и уровнями центральной и региональной власти, а также исключением любых попыток разрушить единое информационное пространство страны, общегосударственную информационно-коммуникационную инфраструктуру и систему национальных информационных ресурсов.

В-четвертых, реально формирующиеся в процессе реформ новые социально-экономические условия и унитарные отношения обуславливают необходимость адекватного изменения методов, форм и технологий *GR* – в целом всей системы государственного управления. В этой связи принципиально новым для Армении методологическим подходом к реформированию системы государственного управления и решению проблемы взаимодействия (в первую очередь, информационного) между гражданским обществом и государственной властью должно стать определение стратегической цели такой реформы, которой можно дать следующее определение: «формирование власти демократического типа, ориентированной на общество как потребителя ее услуг».

Для практической реализации концепция государственной политики информационной безопасности РА должна носить нормативный характер, в частности, должна рассматриваться возможность ее документального оформления в виде нормативного правового акта общегосударственного уровня. При этом концепция не должна быть «мертвой, нефункционирующей буквой закона», ей следует постоянно развиваться и отражать необходимую по мере становления

армянского общества и государства смену приоритетных целей и задач в информационной сфере.

Для формирования безопасного и открытого информационного рынка *GR*-услуг и технологий в Армении предлагаем:

Принять соответствующую нормативно-правовую базу, законно закрепляющую и регламентирующую принципы и нормы *GR*-деятельности, систематизирующую и гарантирующую целостность и законность безопасного функционирования политических *GR*-технологий в РА.

Создание благоприятных научно-инновационных и информационно-коммуникационных условий и предпосылок, способствующих в соответствии с вызовами современности обеспечить мобильность и безопасность информационных потоков в системе *GR*.

Институционализировать профессию «*GR*-специалист» в качестве ведущего звена в системе отношений бизнеса и государственной власти, где к участию должны быть вовлечены специалисты из *GR*-компаний, *GR*-подразделения предприятий и организаций, представители рынка бизнес-услуг и рынков информации и капитала.

Проводить широкомасштабное исследование, целью которого является выявление ключевых трендов армянского рынка *GR*-услуг, определение спроса, экономического потенциала и финансовой емкости данного сегмента рынка, выявление коммерческой мотивации и базовых факторов обращения к услугам *GR*-специалистов, обеспечивая прозрачность пространства функционирования *GR*.

Определить приоритетные направления и формировать общеотраслевые профессиональные стандарты в виде квалификационных характеристик должностей работников, занятых в сфере *GR*-бизнеса, которые будут способствовать созданию прочной открытой системы взаимовыгодных отношений с органами государственной и муниципальной власти (*Government Relations – GR*), развитию безопасного цивилизационного информационного рынка *GR*-услуг в РА.

Осуществлять управление и функционирование статистических служб на разных уровнях государственного управления, а также организовать деятельность в области прогнозирования и планирования.

Постоянно предоставлять государством услуг обществу, связанные с реализацией внешней политики, обеспечением военной и государственной безопасности, обеспечением законности, прав и свобод граждан, охраной собственности и общественного порядка, борьбой с преступностью.

Расширить и утвердить принципы «электронного управления» и «электронного правительства», создать и функционировать единую систему информирования граждан посредством связи с «электронным правительством».

Развивать систему транспарантных бизнес-процессов в обществе и предоставить государственные субсидии для развития бизнеса.

Организовать систему получения и распределения государственных грантов для реализации социально-значимых проектов: GR-фандрайзинг; GR-спонсоринг, корпоративная филантропия.

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

1. Существует неразделимая связь между эффективностью управления политическими GR-технологиями и способами обеспечения качества демократии, возможного в условиях *Good Governance*. Его можно достигнуть преимущественно с помощью принципов исполнения культуры власти, социального диалога, солидарности поколений и сотруднической культуры, необходимых для становления демократической консолидации в Армении.
2. Если взять за основу тезис о том, что демократия есть применение гражданского процесса в деле реализации группового выбора, то она должна применяться не только посредством длительной цепочки правил осуществления GR-технологий в контексте принятия политических решений, но и через право быть «избранным». Подобная теория демократической консолидации должна соответствовать изменениям как в пространстве, так и во времени, став локомотивом в системе управления политическими GR-технологиями и обеспечив качества демократии в Армении.
3. Для Армении основной моделью упразднения системы политической олигополии и утверждения эффективного управления GR может выступить диверсификация рыночных отношений, что возможно, прежде всего, путем усиления информационно-коммуникационной сферы и развития инновационно-информационных технологий как важного фактора построения информационной демократии и необходимого элемента становления демократической консолидации.
4. В политической системе Армении происходит консенсусно-олигархическая консолидация элитных групп. Главная особенность в этом процессе заключается в том, что он на сегодняшний день механически приобретает зеркальность черт, во многом аналогичных с политическими элитами демократических государств западного мира. Это в свою очередь обуслов-

лено политическим сознанием и инновационным стремлением элит государственного управления, начавших реально воспринимать характер последствий современных вызовов, которые в целом диктует последовательность и исход процесса становления демократической консолидации в Армении.

5. Для формирования безопасного и открытого информационного рынка GR-услуг и технологий в Армении необходимо создание единой и целостной концепции государственной политики информационной безопасности, в то же время отражающей принципы и установки деятельности GR-деятельности в Армении. В соответствии с этим целесообразно использовать актуальные в современном мире технологии GR в контексте обеспечения информационной безопасности армянского социума.

Март, 2010г.

Источники и литература

1. *Huntington Samuel*, How Countries Democratize. – Political Science Quarterly. Vol. 106, №4. 1991-92.
2. *O' Donnell, Guillermo, Schmitter Phillip*, Tentative Conclusions about Uncertain democracies. Transitions from Authoritarian Rule. Vol. 4 Baltimore. The Johns Hopkins University Press. 1986.
3. *Guth David, Marsh Charles*, Adventures in Public Relations. Allyn & Bacon, 2004.
4. *Соловьев А.И.* Политология. Политическая теория, политические технологии. М.: Аспект Пресс, 2006.
5. *Saviano R.*, Steadfast in Protest. Annual Report 2009. The Observatory for the Protection of Human Rights Defenders FITH/OMCT. Paris-Geneva, 2009.
6. *Эллвуд Я.*, 100 приемов эффективного брендинга. СПб.: Питер, 2002.
7. *Маргарян М.*, Политическая элита и проблемы демократического транзита в Республике Армения. Ер.: Государственная служба, 2006, (на арм. языке).
8. *Wilcox Dennis*, Public Relations Writing and Media Techniques. Longman, 2001.
9. *Huntington S.*, The Third Wave. Democratization in the Twentieth century. Norman: University of Oklahoma Press, 1991.
10. *Удовик С.Л.*, Глобализация: семиотические подходы. М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2002.
11. *Schmitter Ph.*, The Consolidation of Political Democracies: Processes, Rhythms, Sequences and Types. In Pridham G. (ed). Transitions to Democracy. 1995.
12. *Нуреев Р.*, Основы микроэкономики. М.: Экономика, 1998.
13. *Меликян Р.С.*, Информационное измерение демократии. Сборник научных статей. Годичная научная конференция. Ер.: РАУ, 2006.

14. *Котанджян Г.С.*, Основные направления национальной безопасности Армении в контексте архитектуры региональной безопасности. Ер.: И.Н.С.И. им. Д. Канаяна МО РА, 2008.
15. *Рокар М.*, Трудиться с душой. М.: Международные отношения, 1990.
16. *Ольшанский Д.В.*, Политический PR. СПб.: Питер, 2003.
17. *Арутюнян Г.*, От конституции к конституции. Ер.: Изд-во «НЖАР», 2004, (на арм. языке).
18. *Мельник В.А.*, Современный словарь по политологии. Мн.: Книжный Дом, 2004.
19. *Hankerson D., Menezes A., Vanstone S.*, Guide to Elliptic Curve Cryptography. 2004.
20. *Мальцев Г.В.*, Бюрократия как правовая и моральная проблема: монография. М.: Изд-во РАГС, 2009.
21. *Вебер М.*, Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
22. *Карл Т.Л., Шмиттер Ф.*, Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы. Полис, № 4, 2004.
23. *Миллс Р.*, Властвующая элита. М.: Изд-во Иностранной литературы, 1959.
24. *Зимин В.А.*, Черный PR? Белый GR! Цветной IR:) Менеджмент информационной культуры. М.: Вершина, 2006.
25. Официальный сайт офиса Примирителя финансовой системы Армении. <http://www.fsm.am> (28.02.2010).
26. *Арутюнян Г.*, О некоторых проблемах информационной безопасности. Официальный сайт Научно-образовательного фонда «Нораванк». <http://www.noravank.am/ru/?page=analitics&nid=71> (29.02.2010).

MANAGING POLITICAL GR-TECHNOLOGIES IN ARMENIA AS A FACTOR OF ESTABLISHMENT OF DEMOCRATIC CONSOLIDATION

Mariam Margaryan, Roman Melikyan

Resume

Today political GR-technologies are a driving force of the management process. The later being a succession of constant decision making lies within the system of the new society formation i.e. the democratic consolidation, which supposes functioning of the qualitative democracy with the highest level of state management. In this aspect the issue of the political GR-technologies management in Armenian reality is one of the most significant ones and this article is devoted to its study.

The study covers main trends in GR-technologies within the system of state management of Armenia. It is substantiated that in order to increase the quality of democracy and consolidate the democratic institutions and procedures the reform of the state structures in compliance with the principles of the Good Governance and the efficient usage of the political GR-technologies are necessary as two mutually conditioning innovative factors.

The topical issues of democratic transit, which are considered within the framework of the Armenian realities, are scrutinized. Thereunder new principles for overcoming the signs of “political oligopoly” in Armenia and finding new innovative ways of acquiring free political competition on the basis of building informational democracy are offered. The issues of the state establishment in the Armenian reality, where ruling elite is acquiring a central role as an actor of bureaucratic management, are studied.

Based on the actual approaches and GR-technologies the essential necessity of adopting a comprehensive concept of the state policy of information security is substantiated.

Памятка автору

Журнал «21 Дар» публикует статьи аналитического характера, в которых преобладают темы, затрагивающие актуальные проблемы Республики Армения. *Заказанные* редакционным советом журнала статьи и материалы являются собственностью Фонда «Нораванк».

Принимаемые редакцией статьи рецензируются. Публикации журнала выражают точку зрения их авторов.

Требования к представляемым материалам

1. Статьи должны быть представлены в виде распечатки и в компьютерном наборе (*MS WORD*) шрифтом «*Sylfaen*» размером 11 и не превышать 15 страниц.
2. Со статьей обязательно представляется автобиография (*CV*) автора.
3. Страница статьи должна соответствовать формату А4 и иметь поля – по 2 см слева, справа, сверху и снизу. Межстрочный интервал – 1.5. Обязательно наличие аннотации (на языке статьи) и резюме (на языке, отличном от языка самой статьи).
4. Ссылки на использованную литературу приводятся в квадратных скобках, в сквозной нумерации по порядку их следования в статье, с указанием страниц(ы) после номера источника. Страница указывается на языке оригинала: «Էջ» (на армянском), с. (на русском), р. (на английском, французском и т.д.). Например: [1], [2, с. 11-12]. В конце статьи, в разделе «Источники и литература», приводится список использованных источников по порядку их следования в статье на языке оригинала, шрифтом 10-ого размера, например:
 1. *Մարգարյան Ա.*, Երկրի մրցակցային ռազմավարությունը սնտեսական անվտանգության համատեքստում, «21-րդ դար», # 1, էջ 5, 2003:
 2. *Шарипова Р.*, Панисламизм сегодня: идеология и практика Лиги Исламского Мира, с. 15, М., 1986.
 3. *Yasha Lange*, Media in the CIS, Center for Civil Society International, Amsterdam, 1997, from <http://www.internews.ras.ru/books/media>, Sept. 28, 1998.
5. Ссылки на интернет-источники желательно давать в сносках.
6. При языке источника, отличном от армянского, латинского алфавита и кириллицы, ссылки приводятся латинской транслитерацией. В скобках указывается перевод и язык, например: *Al-Arman fi Lubnan* (Հայերը Լիբանանում, արար.).

Редакция

«21-й ВЕК» информационно-аналитический журнал

Редакционный совет

Учредитель – научно-образовательный фонд «НОРАВАНК»

Свидетельство № 221 Государственного регистра
Министерства юстиции РА, выданное 17.05.2001г.

Адрес: РА, 0026, г. Ереван, ул. Гарегина Нжде, 23/1

Сайт: www.noravank.am

e-mail: 21dar@noravank.am, office@noravank.am

Телефон: + (374 10) 44 38 46

Факс: + (374 10) 44 04 73

Ответственная за номер – Лусине Баграмян

Подписано к печати 29.06.2010г.

Номер 3 (15), 2010г.

Тираж 300

Бумага офсетная, формат 70x100 1/16

Усл. п. л. 15. Шрифт: Sylfaen

Издательство ООО «Гаспринт»